

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

НЕ ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Не все могут короли

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Не все могут короли / Л. Соболева — «АСТ», 2017 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-104194-6

Целыми днями Раиса лежала на диване, просматривая по телевизору семейную хронику, где счастье льется через край... Точнее, лилось, пока мужа не убили. Она и не подозревала, что его так ненавидят даже после смерти: крест на свежей могиле Арамиса кто-то сжег. А тут еще кредиторы! Потянулись гуськом в дом Баграмянов, не выждав и девяти дней! Оказывается, покойный оставил ей лишь долги. Но как же так? Ведь Арамис – владелец клуба «Корлеоне» – был баснословно богатым человеком! Удивляло еще одно: стреляли в Арамиса среди бела дня, свидетели видели, как после выстрела джип с преступниками неторопливо уехал. И самое странное выяснилось после проведения баллистической экспертизы: оружия, из которого вылетела пуля чудовищной убойной силы, не существует... Книга также выходила под названием «Итальянская ночь»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104194-6

© Соболева Л., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

1. Возможно, причина и была...	6
2. Три месяца спустя. Первая пуля – никто не ждал!	13
3. Семья – это сила	19
4. Смерть чужая, а проблемы...	27
5. Вот так главные свидетели!	33
6. А вторая пуля...	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лариса Соболева

Не все могут короли

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Автор предупреждает: данное произведение – вымысел от первого слова до последнего.
А всякое сходство с реальными событиями и людьми случайность.*

1. Возможно, причина и была...

У сына шок! А папа, откинув полы летнего пиджака и заложив руки в карманы брюк, посмеивался да прохаживался вдоль роскошного спортивного кабриолета – подарка на день рождения. Он был не менее счастлив, чем семнадцатилетний сын, который открывал и закрывал рот, взмахивал руками, словно у него рассеянный склероз и мальчик позабыл, с чего начинать, когда хочешь сделать шаг. Пора привести ребенка в чувство.

– Нравится? – спросил папа.

Ребенок как будто отрицательно покачал головой, но это и был знак одобрения, искреннего восхищения, означавшего: я о такой машине даже не мечтал. Папа рассмеялся, подтолкнул сына:

– Чего стоишь? Садись.

Вито перемахнул через дверцу, упал на водительское кресло и, еще не взявшись за руль, сразу представил, как несется по городу, вдыхая ветер.

– А где ключи? – хрипло спросил юноша.

– Вот сюда пальцем нажми, – показал отец.

– Так просто?

– Да, так просто.

Мотор завелся. Мальчик закричал, вскинув кулаки вверх:

– А-а-а! А-а-а!

– Ну, осваивайся. Если пойдет дождь, вот эту кнопку нажмешь – и кабриолет превратится в обычную машину с закрытым верхом, а сейчас верхняя часть в багажнике, учти, места там больше нет. Ну, давай, давай, пробуй. Не торопись только, покатайся вокруг маминой клумбы.

– Папа... Спасибо!

Сын медленно тронулся с места, а отец пошел в дом.

В его паспорте записано имя Арамаис, но друзья нарочно игнорировали одну букву, не желая ломать язык, и Баграмян стал для всех Арамисом. На его внешности не отразились характерные черты армянских предков, всему виной кацапка, как он сам шутил, мама. Правда, от отца достались ему густые черные волосы, смуглая кожа, а также пронизательные карие глаза, зато черты лица европейские. С женской точки зрения, Арамис красив, хотя и небольшого роста, с мужской – слегка слащав. Его предприимчивость, умение вести дело, вкус – Арамис не позволял себе дешевки ни в чем – вызывали зависть. Сын похож на него, в то же время унаследовал светлые волосы матери и некоторые ее черты, но по большому счету Вито – сын своего отца.

В гостиной Арамис снял пиджак и кинул его на диван, расположившись в массивном кресле, включил DVD-проигрыватель. Две вещи он считал истинными шедеврами – книгу Пьюзо «Крестный отец» (фильм он тоже обожал) и отечественный фильм «Бригада», к остальным продуктам с маркировкой «Сделано в России» относился более чем пренебрежительно. Книгу перечитывал, а фильмы пересматривал бесчисленное количество раз, сына назвал Вито в честь главного героя, а молодежный ночной клуб, который он открыл первым в городе, – «Корлеоне». Между прочим, с итальянской кухней, хотя мальчики и девочки ни черта не понимают в еде.

Раздался звонок, Арамис потянулся к пиджаку, достал один сотовый телефон, потом второй...

– Слушаю.

– Это я, Мальвина... – послышался тусклый голос, какой бывает у людей, перенесших потрясения.

– Какая Мальвина? – озадачился он.

– Ваш тренер. Из спортивного клуба...

– А-а-а, – протянул Арамис радостно. – Мальвина! Рад слышать тебя. Откуда звонишь?

Его тон, то, что он помнит о ней, вселили надежду, Мальвина заговорила быстро, глотая по половине слов:

– Я в Турции. Арамис, мне очень сложно было позвонить вам, поверьте, а вы – моя последняя надежда. Помогите мне, прошу вас...

– А тебя отлично слышно! Нет, правда, будто ты в городе. Прости, так в чем проблема?

– Мне нужны деньги. Немного. На билет и... Я верну, обязательно верну, как только приеду... Прошу вас, вышлите мне... эту сумму... только эту...

И заплакала.

– Без проблем. Называй адрес.

Вперемежку со слезами и счастливым смехом она назвала адрес, а он, в некоторой степени являясь человеком ленивым, перед ее диктовкой второй телефон перевел на диктофонную запись, чтобы не писать авторучкой. Потом бросил обе трубки на соседнее кресло и включил просмотр фильма.

На подлокотник присела жена. Не взглянув на нее, Арамис взял ее руку и поднес к губам.

– Кто звонил? – поинтересовалась она.

– Мальвина. Из Турции. Денег просила.

– Принести кофе или чай?

– Не надо, посиди со мной.

Двух человек он любил, что называется, без оглядки, беззаветно и преданно – жену и сына.

Президент комплекса «Табакерка» Горбанев Анатолий Петрович поднял глаза на вошедших мужчин. Три оглобли, явно безмозглые, отличающиеся от человекообразных обезьян только тем, что умеют произносить членораздельно несколько слов, остановились перед ним, образовав треугольник. У Горбанева подскочило к горлу сердце: не убивать ли пришли? И второе: за что, за что, за что? Да, эти мужланы будто обнаружили портал и перешли из прошлого в настоящее, во всяком случае, именно таких братков времен лихих девяностых показывали в кинофильмах. Показывать-то показывали, а живьем Горбанев их не видел.

– Слушаю вас, – сказал он, а то стоят... Оглобли, одним словом.

– Слух пошел, ты толкаешь эту коробку, – сказал тот, что стоял впереди, два других остановились за его спиной.

– Ну и? – не понял Горбанев. Однако успокоился, ведь появились покупатели, а не бандиты. Но похожи на бандюков высшей пробы, которым человека завалить – все равно что руку пожать.

– Толкани нам, – сказал тот.

– Если сойдемся в цене... – начал Горбанев, но главная оглобля его перебила:

– Нам кусок отдай. Клуб «Корлеоне».

– Здание продается целиком...

– А нам целиком не нужно, нам клуб «Корлеоне».

Это уже похоже на ультиматум, значит, Горбанев не ошибся, братки пожаловали для устрашения, а прислал их хозяин, на которого работают. В мозгах щелкнул переключатель, перевел извилины в режим калькулятора. Продав им лишь «кусок» здания, оставшаяся часть уйдет за гораздо меньшую сумму, чем если бы продавал его полностью в одни руки. Да, упадет цена, упадет. Невыгодно. Что же делать? Думать долго нельзя, эти уроды непредсказуемы, Горбанев внес уточнение:

– Клуб не мой, поэтому его я не могу продать при всем желании, хозяин арендует у меня помещения, у нас подписан договор и...

– Здание твое?

– Мое. А клуб чужой.

– Мы забираем клуб. Нам он подходит.

– То есть как это – подходит?

– Мы там развлекательный центр забомбим покрупней твоего вшивого клуба. – Говоря, он крутил в воздухе указательным пальцем. – У нас там все будет, понял? Все!

– Ах, вот как! – обрадовался Горбанев. И было чему радоваться, теперь он чувствовал себя на коне. – Ваше желание невозможно. Наш мэр запретил развлекательные заведения с сомнительной деятельностью, так что идите к нему.

– С мэром договоримся...

– Когда договоришься, тогда и приходи.

А за это время он продаст здание целиком!

Как только человекообразные убралась за дверь, Горбанев сделал звонок Арамису:

– Пару минут назад у меня были три уroda. Не из наших, наверняка из областной братвы. Честно, я таких лишь в кино видел. Они требовали у меня твой клуб.

– На каком основании? – хохотнул Арамис.

– Развлекательный центр хотят открыть, где будет все. А все – это и нелегальная деятельность. Понимаешь, что это будет за центр?

– Это не основание, а желание. А ты?

– К мэру послал их. Короче говоря, как-нибудь заскочи ко мне в кабинет, Арамис, поговорим тет-а-тет.

– Хорошо, зайду.

Арамис в сердцах кинул трубку, но, поймав на себе недоуменный взгляд сына, улыбнулся ему:

– Это так... кое-какие неприятности. Поехали? Нас ждут в клубе, да и мне необходимо увидеться с Горбаневым сегодня же. Скотина он приличная, а что делать. Как меня достал, о, если бы кто знал.

– Папа, ты обещал сделать мне права, – идя к новенькой, сверкающей лаком машине, напомнил сын.

– Ах да. Прости, Вито, вылетело из головы. Садись за руль.

– А если остановят?

– Забыл, чей ты сын? – приподняв одну бровь, надменно усмехнулся Арамис. – Начальник ГИБДД мой друг, его дорожные шавки меня знают, не посмеют остановить. Привыкай, Вито, к своей исключительности.

В глазах сына мелькнула гордость, он выехал на улицу и, поглядывая на родителя, улыбался ему робко, как улыбаются всемогущему божееству.

Горбанев успел слинять, это вызвало досаду, но, войдя в зал клуба – а сегодняшний день посвящен сыну и его друзьям, посторонних здесь не будет, – у Арамиса невольно потеплело на душе. Ребята, человек тридцать, и ни одной девочки, встретили его дружным ревом. И особенно приятно – любовь сына, мальчишка просто светился. Арамис поднял руку, рев смолк, он тихо, но его слышали все, сказал:

– Отдыхайте. У нас чисто мужская компания, но девочки придут, будьте вежливы с дамами.

Он хлопнул в ладоши – к шестам выбежали четыре девчонки. И в зале появились молоденькие официантки с подносами, на которых стояли бокалы с коктейлями.

Калерия Олеговна прибежала из кухни, схватила трубку, да так и ахнула, услышав родной голос:

– Мама... Мама, это я...

– Мальвина, солнышко... – Ноги подкосились, она присела на пуфик. – Как!.. Господи, ты так долго молчала! – Но живущая как на иголках мать в течение долгого времени вдруг наехала на дочь: – Почему не звонила? Ты хоть чуточку думаешь обо мне? Я тут места себе не нахожу!

– Мама! – отчаянно крикнула дочь. – Мама, у меня мало времени.

– Как это – мало? Год ни одного звонка, а сейчас говоришь, мало времени?

– Мама, выслушай! Я в тяжелом положении, не перебивай! Если приеду домой, все расскажу.

– Что? Если приедешь? Что значит – если?

– Я звонила Баграмяну, просила прислать денег... займы... чтобы вернуться домой, он обещал, но... Не могла бы ты сходить к нему и напомнить? Запиши адрес...

Карандаш под рукой, как и блокнот для подобных записей. Калерия, поверив, что действительно случилось нечто серьезное, приготовилась писать:

– Диктуй.

Мальвина продиктовала адрес и еще раз напомнила:

– Не забудь, сходи.

– А сколько надо?

– Тысячу долларов. На авиабилет и по мелочам... долги отдать. У тебя таких денег нет.

– Мальвина... я... я попробую найти...

Связь прервалась.

Это средний российский город, но успешно соединивший в себе градообразующие предприятия и другие виды деятельности, потому здесь довольно благополучная обстановка, пресловутых народных волнений с флагами и плакатами не бывает. Но дело не в этом. Подобные города как один большой многоквартирный дом. В таком доме, хочешь не хочешь, а встретишься с недругами в самых неподходящих местах, так ведь дом-то один на всех.

Пришли развлечься на крестины, а уперлись носами друг в друга! Конечно, сначала в глаза бросается Маймурин, он огромен – что в рост, что вширь удался, полностью лысый, с белесыми глазами и влажными губами, короче говоря, вылитый Шрэк, только не зелененький. Практически не найдешь в городе человека, который отозвался бы о Маймурине положительно, в лучшем случае предпочтут промолчать на его счет или перевести разговор в другое русло.

Киселев пониже и поуже, ему полтинник, как и его недругу Маймурину, правда, второй выглядит значительно старше, но исключительно из-за жировых запасов. В сущности, Киселев – человек, не лишенный обаяния, правда, с внешностью номенклатурного работника того незабываемого времени, когда вся власть принадлежала Советам, зато с чувством юмора. Материального благополучия он достиг самостоятельно (знал, как его достигнуть, в отличие от большинства), достиг, работая как вол, чем был горд, но последние несколько месяцев бедняге пришлось несладко, отказало ему и чувство юмора. Виной всему вражда с Маймуриным. Досадно, что так изменчива судьба, пожалуй, это самая неверная и коварная женщина на свете.

Сошлись и разошлись, свирепо сверкнув глазами. А стол один. Но оба сели в разных концах. Если смеялся один, не смеялся второй, если говорил один, второй демонстративно разговаривал с соседом. Да, вели себя как дети, но когда «детки» разменяли по полтиннику, возникает закономерный вопрос: не пора ли им обратиться к психиатру?

Через пару часов Киселев вышел покурить на воздух и задержался, наслаждаясь весенним вечером перед началом лета, застывшим безмолвием и пограничным состоянием воздуха между теплом и ночной свежестью. Сигарета выкурена, а Киселев не рвался в дом под стрекот кондиционеров с искусственной прохладой, в шум и гам, иногда наступают минуты слабости,

когда душа просит: я утомилась, дай отдохнуть хоть чуточку. Как назло, подгадав или нарочно задавшись целью испортить настроение недругу, появился Маймурин, замер. Нет, все-таки на Киселева наткнулся он невзначай, ибо уголки его губ повело в стороны и немного вниз, получилось кисло-страдальческое выражение. Оба готовы были наговорить друг другу гадостей, да не случилось – появился Арамис. Маймурин с ним не контактил, потому сделал вид, будто кого-то увидел, и поспешил к тому человеку.

– Я помешал? – спросил Арамис.

– Ты вовремя, а то здесь случилась бы бойня.

– Вы же вроде были в хороших отношениях, как дошли до такой обоюдной «любви»?

– Ну, этого... так называемого гражданина Маймурина есть за что «любить». К нему не только я дышу неровно. Он, когда работал в ОБЭП, всех подминал, кроме меня. В бизнес лез, в долю. Иначе, как он грозился, нарисует штрафов... – и Киселев взялся ладонью за щеку, вдобавок прищурился, словно у него зуб заболел. – После оплаты на паперть пойдешь. Но эта гнида до сих пор мне мстит.

– Знакомо. И меня пытался подмять.

– Да что ты! И как, удалось ему?

– Щас! На таких умных у меня разработана своя метода, он теперь икает, когда видит меня.

Оба громко расхохотались и заговорили на отвлеченные темы.

С утра она ждала его у входа в клуб, ждала уже два часа в тревоге, прислушиваясь к биению своего сердца, а оно отстукивало: беда, беда с Мальвиной... Но Калерия не принимала беду и не понимала, почему она стряслась с ее дочерью. Этого не должно было быть... А чего – этого? Вопрос она отпихивала от себя, боясь не только ответить, но и предположить, что именно случилось с дочерью в чужой стране. Стоило появиться Баграмяну, Калерия кинулась ему наперерез:

– Извините, Арамис Леонович...

Неожиданно ее оттеснили молодые мальчики, довольно агрессивно настроенные, бесцеремонно и грубо оттащили в сторону, как тряпку.

– Вы напугали меня, – произнес Арамис.

– Простите, – осторожно высвобождаясь, извинилась она, но у мальчиков дури много, держали они ее крепко. Калерия перестала барахтаться. – Не узнаете меня? Однажды нас познакомила Мальвина...

Он соединил брови в одну линию, что, должно быть, означало умственные затраты на воспоминания, а Калерия опустила глаза, не желая видеть ложь. Почему-то всегда становится стыдно, когда человек лжет, не мог Арамис не помнить, кто она, да делать нечего, надо напомнить:

– Я мать Мальвины, она звонила из Турции, просила...

– А... – Ну, наконец вспомнил. – Мальвина...

– Вы обещали выслать ей деньги...

– Да-да, обещал... Видите ли, у меня сейчас проблемы... Через недельку-другую зайдите и напомните... я вышлю.

– Но ей сейчас нужны...

– Сейчас ничем не могу помочь.

Арамис сделал мальчикам кивок головой в сторону клуба и в сопровождении четырех юношей, распухших от собственной значимости и ответственности, вошел внутрь. Калерия едва не расплакалась, только слезы еще никому не помогли выйти из ситуации со стопроцентной победой. Она медленно побрела по улице, высчитывая, что можно продать и на какую сумму.

Горбанев, развалившись в кресле и упершись подбородком в свою грудь, отчего казалось, будто смотрит он исподлобья, наблюдал за ритуалом вхождения. А вошел Арамис – фараон, ей-богу! Точнее, не только он, вместе с ним вошли два сопляка, которые стали по обеим сторонам двери. Не смех ли? Но этого мало. Такие же два сопляка, явно не умеющие грамотно писать слово «еще», – они обязательно сделают четыре ошибки, написав «исчо», – остались в приемной, что было понятно по фразе, брошенной Баграмяном:

– Вы двое – здесь, а вы – со мной.

Арамис уселся в кресло, переплел пальцы рук и уложил их на плоском животе, ногу закинул на ногу, в то время как Горбанев не знал, как ему на этот парад-алле реагировать. Люди одной орбиты понимают и уважают друг друга, это и при том, если они находятся в конфронтации, а уважающие партнеров бизнесмены не позволяют себе делать дешевые выпады. Горбанев имел полное право поставить Арамиса на место, а то и послать, невзирая на его самолюбие и обидчивость.

– Это что? – раздраженно кинул он вопрос.

– М-м? – не понял Арамис.

– Я спрашиваю, что делают эти два недоноска в моем кабинете?

Недоноски побагровели, выстреливая злобным огнем из глазенок.

– Это мои телохранители, – сказал Арамис.

– Тело... что-что? – покривился Горбанев. – Ах, эти недоноски охраняют тебя? От кого? От меня, что ли? Или от Люды в приемной? – Вытянув шею, он адресовал мальчикам: – А ну-ка, пошли вон отсюда.

Те недобро зыркали на Горбанева и не двигались, пришлось Анатолию Петровичу воздействовать на них через Арамиса:

– Скажи своим щенкам, чтобы немедленно убрались.

Арамис лишь развернулся, слов не произносил, но, видимо, глазами парнишкам указал на выход, те нехотя удалились, оставив открытой дверь. Один из них плюхнулся на диван в приемной, Горбанев это заметил и выскочил из-за стола. Секунда – он уже сжимал дверную ручку, гневно бросив четверем паренькам:

– Из приемной ушли! Я кому сказал! Шефа подождете в коридоре, а моей секретарше нечего мешать работать. – Захлопнув дверь, он вернулся в кресло, по пути отчитав Арамиса на правах старшего товарища: – Если хочешь иметь со мной дело, то понты брось, я этого терпеть не могу. Кого ты корчишь из себя, Арамис? И перед кем? Передо мной? Знаешь, я о тебе был лучшего мнения до сегодняшнего дня.

По большому счету Горбанев уронил авторитет Арамиса в глазах «хранителей тела», не заметить этого тот не мог, очевидно, потому и спрятал глаза, уткнув их в пол, но осведомившись:

– Что по клубу? Кто покупатели?

Вот! Если до инцидента с недоносками Горбанев собирался выработать общую стратегию, то теперь его решение переменилось:

– Я говорил тебе, что они хотят открыть развлекательный центр именно в твоём клубе, поэтому намерены биться за него. А в этом центре наверняка будут подпольное казино, кабинки для секса, наркотики для кайфа.

– Но казино и... все остальное под запретом.

– Ой, Арамис! – отмахнулся Горбанев, вставив шпильку партнеру: – У тебя что, не так? В твой клуб приезжают со всех городов области, чтобы понюхать цветочки на подоконнике? Или только полюбоваться искусством благородного танца у шеста? Я не продал потому, что хочу целиком все здание загнать. Отправил их к мэру за разрешением, он же у нас большой противник молодежных тусовок, ему нравится, когда дети сажают деревья под духовой оркестр. Так что, Арамис, если мэра они уломают, а эти уломают даже президента, то... сам понимаешь.

– Подожди, подожди, Толик! Мы же с тобой столько лет вместе... фактически партнеры! И ты хочешь кинуть меня?

– Я бы не кинул. Но кинуть придется. Мне, Арамис, жить хочется, тем более сейчас, когда средств с головой хватит до гробовой доски, когда полностью сформировалось желание отойти от дел. Но у меня есть для тебя предложение: срочно, пока уроды не добрались до мэра, покупай ты. И тогда на правах полного хозяина ты вправе отказать им, поставить условия и т. д.

– Здание, говоришь? – усмехнулся Арамис. – Видишь ли, здание, насколько я в курсе, не продается, оно принадлежит государству, как и земля под ним. Но почему-то об этом никогда не идет речи. Получается, я куплю у тебя только бизнес – кровати, перины, ложки, тарелки и прочее, а по цене – куплю и здание. Дороговато. Но государство в любой момент может отнять у меня здание, куда я тогда с твоим бараклом денусь?

– Где ты это взял? Здание я купил (!) на аукционе, оно мое целиком и полностью, каждый кирпич здесь мой. Земля – да, государственная, но и тут мой юрист подсуетился, у меня бессрочная аренда!

– И как тебе это удалось?

– Хочешь жить – умей вертеться, а хорошо хочешь жить – вертись волчком. Короче, я имею право делать со своей собственностью все, что хочу. Я ее продаю. Покупай.

– В принципе, если ты согласен на разумную цену и на рассрочку, я согласен подумать...

– Есть покупатели, которые не торгуются и купят без рассрочек. Я лишь жду, кто больше даст. Извини, Арамис, это бизнес.

– Здание полностью мне, в общем-то, не нужно, тем более все, чем оно напичкано.

– Неправильно рассуждаешь. Как думаешь, есть разница: ты снимаешь комнатку в чужом доме или у тебя ее снимают? Я одной арендой набираю суммы – мама не горюй. Но раз не понимаешь... Как твой приятель и партнер, я должен был предложить комплекс тебе, я предложил.

– С кондачка такие вопросы не решаются, мне надо подумать.

– Думай. Не опоздай только.

Он озадачил Баграмяна.

2. Три месяца спустя. Первая пуля – никто не ждал!

Ровно полдень. Август в агонии, жарит по полной программе.

Из черного джипа вышел молодой человек в черной рубашке и солнцезащитных очках, закрывавших половину лица. Он дошел до ближайшего киоска напротив, купил минеральной воды и вернулся. Открыл запотевшую бутылку еще на обратном пути, холодная вода с шипением вырвалась из горлышка, упала на горячий асфальт.

Две опрятные старухи, сидевшие неподалеку, с завистью созерцали, как пьет воду молодой человек, как она с шипением течет по небритому подбородку на грудь, как ходит вверх-вниз кадык...

Он оторвал горлышко от рта, утер губы тыльной стороной ладони и залез в джип. Обе старухи непроизвольно сглотнули, с их доходами на газировку не раскошались, да и заработка сегодня...

– Место прибыльное, а за сегодняшний день ни гроша! – заворчала полнотелая старушка, доставая из сумки термос.

Место действительно людное: напротив огромное здание комплекса под скучным названием «Табакерка», где разместились торговый центр, молодежный и спортивный клубы, ресторан с баром, гостиничные номера, тут же непонятно зачем ютятся ларьки, но главное для бабулек – остановка. Маршрутки, такси, автобусы и троллейбусы останавливаются чуть поодаль, следовательно, людской поток здесь постоянен в любое время суток. Бабули с весны торговали на этом месте семечками и орешками, никто их не гнал, мало того, хозяева всех этих заведений уважительно здоровались, иногда покупали семечки и орешки. А что, самый здоровый продукт, к тому же обе бабушки чистоплотные.

Налив в стаканчик воды, которая всю ночь охлаждалась в холодильнике, полнотелая старушка протянула его подруге, похожей на высушенную бледную поганку, та залпом выпила и выдвинула версию, почему им сегодня так не везет:

– Из-за джипа все. Загородил нас.

– Это с той стороны загородил, а с этой чего не подходят?

– Оттого что отсюда, – указывая тонкой рукой, зачастила старушка, – люди спешат на остановку, им не до нас в такую жару. А оттуда загородил джип, нас не видно. И стоит, зараза, тут с самого утра! Мы пришли, а джип уже здесь был. Чего им надо?

– У них спроси, – проворчала первая бабка, кинув ненавистный взгляд на машину.

– А и спрошу! – разошлась вторая, встала со складного стульчика, руки поставила на то место, где у женщин бедра, она же этими прелестями не обладала. – Эй! Я тебе говорю! В джипе!

Парень с торчащей во рту спичкой, пивший минеральную воду на глазах осатаневших от жары старух, лениво повернул лицо к ней. Он находился в состоянии спартанского покоя, но это не означало, будто его состояние сулило покой и бабкам, что угадала полнотелая старушка, поэтому дернула подругу за юбку:

– Ньюша, брось, не трожь их.

– Подожди, – точным жестом убрала ее руку баба Ньюша и приняла ту же позу: руки в бока, подбородок приподнят, брови сведены. Ей еще никто слова возражения не сказал, а она наполнилась боевым духом, потому ее просьба выглядела скорее приказом: – Молодой человек, не мог бы ты на своем джипе отъехать куда подальше!

Тот как жевал спичку полусонно, так и продолжил жевать, только отвернулся, будто не слышал. Не получив отпора, баба Ньюша, подняв подол домашнего ситцевого халата, переступила через свой эмалированный тазик с семечками и сделала три-четыре шага к джипу.

– Нет, ты погляди, Зин! – заверещала баба Ньюша, повернувшись сначала к товарке, затем к джипу. – Как глухой! Ты как ведешь себя с пожилыми людьми? А ну, отъезжай, я сказала! Нашел стоянку! Здесь место занято!

И что он? Не взглянул даже. Впрочем, может, и покосился в сторону отошавшей старушки, да за широкими стеклами черных очков глаз не рассмотреть. И будто назло он сполз в кресле, полностью развалившись, кажется, собрался поспать, один локоть торчал в окне.

Солнце в зените, зной, из развлечений – лишь наблюдения за прохожими, кто во что одет, примерно прикинуть стоимость, да из какого материала сшито. Скука с жарой и прокисшую кровь подогреют, вот и понесло бабу Ньюшу. Помахивая ручонками, словно готовилась к раунду на боксерском ринге, она приблизилась к джипу, горя негодованием:

– Значит, так, да? Рожу воротим, да?

– Ньюша! – предупредительно крикнула баба Зина, но на ту нашло вдохновение, она бесстрашно лезла на рожон:

– Нет, стали тут, загородили товар, а мы сидим, и нас не видно!

На водительском сиденье полулежал такой же здоровяк в очках. На визг он повернул голову, сдвинул очки на лоб и весело уставился на бабку, которая сотрясала воздух руками, размахивая ими, как на утренней зарядке.

– Никакого уважения и почтения к возрасту! – гневно выкрикивала баба Ньюша. – Сделали вам замечание, так уезжайте тихонько в сторонку! Дайте нам торговлю вести, у нас клиенты здесь ходят. Нет, они стоять будут до упора...

Дверца открылась, из джипа прыгнул на тротуар первый парень, ни слова не говоря, схватил бабу Ньюшу выше локтя и оттащил к пустующему складному стульчику. После он взял бабку за костлявое плечо, стоило ему легонько нажать, как она упала на стульчик. Когда он убедился, что старуха сидит, наклонился и тихо, с душой вымолвил:

– Сиди, бабка, и молчи.

Минуту спустя он развалился в джипе, замер, словно в мгновение ока заснул. Баба Ньюша взмахнула руками, ударила себя по косточкам ниже талии, еще раз взмахнула...

– Не маши, не взлетишь, – сказала баба Зина.

– Нет, ты видала? – прорвало бабу Ньюшу, правда, она не рискнула высказывать возмущения громко. – Ты видала обращение? С кем и кто! Этот бугай со мной! Я бы всех этих, в джипах, к стенке ставила. Едет в джипе, значит, не человек, к стенке его!

– Нервная ты, Ньюшка, потому что худая. Худые все злые.

– Что обидно – ни одна рожа, проходившая мимо, на мои горькие слова внимания не обратила. – И вдруг вернулась к фразе бабы Зины: – Это ж почему я злая? Я за справедливость. Им разве трудно вон хотя бы туда отъехать? Стоят, сволочи, в пяти метрах от нас и бровью не ведут. Равнодушие кругом! Раньше было не так.

– Хм, раньше! Раньше и водичка сладкой была, когда хлебнешь ее после этого дела, а потом снова за ласки примешься.

Обе зашлись от хохота, видно, и бабе Ньюше знакома жажда после любви, да что там, конечно, знакома, она тоже была когда-то молодой.

Прошло три часа. Старухи осмелели, грызли семечки, предназначенные для продажи, и переругивались с парнями в джипе, которым, очевидно, тоже надоело торчать без дела на солнцепеке. Да, в их машине предусмотрен кондиционер, но они и не думали закрывать окна, курили и окурками выстреливали в окна, те падали прямо на тротуар.

– И у себя дома гадишь так же? – провоцировала парней на диалог баба Ньюша. – Кидаешь окурки куда попало, да? А тут, между прочим, люди метут каждый день. И ходят. Самому не противно ходить по мусору? Ни стыда, ни совести, ни культуры.

– Бабка, отвяжись, – лениво протянул парень.

– Плохо тебя родители воспитали, плохо, – посетовала баба Ньюша, уже не обижаясь, потому что поняла: она его достает больше.

– Да у них обоих, может быть, и не было родителей, – стряхивая шелуху от семечек в полиэтиленовый пакет (чтобы не сорить), сказала баба Зина. – Детдомовские, видно.

– Ага, – согласилась подружка, – некому было приличное воспитание привить. Ничего, оглянуться не успеют – сами станут старыми, тогда поймут.

– Бабки, заглохните обе, надоели, – попросил водитель.

– Слышала? – ударила себя по острым коленкам баба Ньюша. – Это нам с тобой – заглохните! Это уже все! Конец всему!

– Ты как разговариваешь?! – повело и бабу Зину на скандал.

Но Ньюша толкнула ее в бок, переключив внимание:

– Гляди, кто приехал. Баграмян. Ой, мама родная... и этот на джипе! Ай-ай-ай... На новом! Вчера у него была другая машина. Живут же, подлюки!

В летнем костюме цвета слоновой кости и в сопровождении Акулича Яна Львовича, тоже бизнесмена, Арамис подходил к своему молодежному клубу, который прославился не только в городе, но и за его пределами. Заканчивался ремонт, остались последние штрихи перед сезоном, когда в клубе будет негде яблоку упасть. Они остановились напротив входа, Арамис, показывая на фасад, с азартом, присущим людям увлеченным и деятельным, рассказывал:

– Слева от входа будет вертикально висеть название: «Клуб “Корлеоне”». Я заказал вывеску – супер. Не просто горит, а сверкает! Искрами, искрами выстреливает! Тем самым привлекает внимание. А над входом разместим две пляшущие фигуры, как я видел во Франции...

Пока Арамис что-то показывал своему приятелю, явно хвастался, баба Ньюша успевала по сторонам поглазеть. Привычка у нее такая, можно сказать, шпионская привычка. Но разве не входит в обязанность шпионов вертеть головой на сто восемьдесят градусов? А она просто так, даже не из любопытства, а потому что ее глазам требуется постоянная смена объектов. В этот момент из окна джипа высунулось...

– Зин, Зин, чего это? – толкнула локтем товарку.

– Где? – спросила та.

– Да вон... в джипе... высунулось...

– А, так это ружье... Ты совсем плохая? Ружья не узнаешь?

Тем временем Акулич, оценив проект Арамиса, отрицательно качнул головой:

– С левого бока, говоришь? Несерьезно. Детишки сдерут твое название до открытия, дай бог, если их током не долбанет, а то ты же еще и виноватым окажешься. От них следует все вешать как можно выше, чтобы не достали...

Внезапно в типично городском шуме, в котором соединились голоса людей, звуки работающих моторов автомобилей, протяжный стон тормозов и так далее, раздался одинокий хлопок. Он был слишком громким и резким, чтобы не обратить внимания на этот в общем-то своеобразный, непривычный и холодный звук. Конечно же, большинство догадались мгновенно: это выстрел.

Выстрел – и, казалось, жизнь в городе мгновенно замерла, лишь отголосок этого непривычного хлопка для мирного времени дрожал в знойном воздухе, нагнетая атмосферу неотвратимости.

Горбанев вырулил из личной комнаты отдыха в кабинет, застегивая рубашку, плюхнулся в кресло, отдышался. Здесь хорошо, кондиционер, в комнате отдыха его нет, собственно, там и окон нет, а дверь желательно запирать изнутри, вот и мучайся, получая удовольствие, – не парадокс ли?

Появилась слегка растрепанная Алла, один взмах ее рук – и прическа приведена в норму, кстати, одежда в порядке, будто ничего не было. Она села напротив, достала тонкую сигарету, закурила и задумалась. Горбанев не курит, только пьет, в меру, разумеется! Иначе астрономические доходы падали бы в чужой карман, так как пьющие люди ленивы, нерадивы, неудачливы. Нет, он любит деньги, они отвечают ему взаимностью, потому ради них Анатолий Петрович готов расстаться со спиртным, женой, друзьями, детьми, даже стать вегетарианцем, если потребуется. Он с обожанием смотрел на задумавшуюся Аллу, а мысли его были далеки от обожания.

Давно пора бизнесмену его уровня не на сорокалетнюю женщину набрасываться в порыве необузданной страсти, а взять молоденькую и длинноногую любовницу. Но разве девчонка сможет дать ценный совет, когда прижмет, откуда у нее возьмутся на это ум и знания? Откуда возьмутся очарование, умение себя подать, тигриная грациозность, способность возбудить в довольно пресыщенном мужчине остроту вожделения? А потом что с ней делать? Дать денег и выставить? Пардон, тогда это грязная сделка, любовница уже не любовница, она проститутка, а он клиент. Горбанев из тех, кто за чистоту в отношениях, он терпеть не может грязи, жаждет чувствовать себя единственным желанным мужчиной, что и получает сполна от Аллы. Связь их длится мно-ого лет, конечно, Алла рассчитывала на статус жены, одно время Горбанев сам был не прочь закрепить отношения, однако подумал и передумал. Скандал был бы неизбежен, у Аллы муж с положением, а на что способен обозленный человек и к тому же облеченный властью? Это знает только черт. Нет, Горбанев осторожный.

Она юрист, курирует комплекс, который принадлежит ему не без ее помощи (в свое время помогла его купить за сущие копейки именно Аллочка), а по сути, она придумывает, каким образом получить больше денег – не ей, конечно. Она его помощница абсолютно во всем, ее советы ценнее дружбы с губернатором. Ей не придет в голову его подставить, кинуть, что-то там у него отнять, сподличать, выклянчить. Сто пятьдесят раз Горбанев разрывал эту связь, Алла тоже рвала, правда, чуть меньше раз, но неожиданно, как найдет на обоих нечто... из прошлого, так срочно – туши свет.

– Знаешь, из твоей ситуации можно вот как выйти... – продолжила она о том, о чем шла речь до комнаты отдыха, но и сейчас закончить мысль помешал резкий громкий хлопок за окном.

Горбанев вздрогнул, замер, прислушиваясь. Он не понял, что это был выстрел, а подсознание сообразило, оформившись в мысль: «Не в меня ли?» Он посмотрел в сторону окна, не решаясь встать и подойти туда.

– Что это? – спросила Алла.

Горбанев растерянно пожал плечами:

– Похоже на выстрел...

– Не говори ерунды, – поднялась Алла и направилась к окну. – Кому здесь, в людном месте, стрелять? И в кого?

– Не подходи туда! – подскочил Горбанев.

Алле нельзя приказывать, ее можно лишь просить, она отдернула занавеску и выглянула в окно. Кабинет Горбанева на втором этаже, выходит на главный вход, к тому же «комплекс» звучит масштабно, на самом деле это хоть и большое здание, но старое, времен совка, следовательно, видимость здесь с любого края превосходная. Алла опустила глаза и увидела, как черный блестящий джип сорвался с места, нагло рассекая площадь перед входом и разгоняя прохожих. Люди бежали... Куда это они? Алла перегнулась через подоконник, глянула вниз... Бежали к двум распростертым на сером асфальте телам. Странно, если и был выстрел, то единственный, а лежат почему-то двое. Присмотревшись, Алла выговорила в ужасе, кинувшись к выходу:

– О боже!

– Что? Что? – забеспокоился Горбанев. – Что там?

– Кровь... Там убили... почему-то двоих... Не одной же пулей уложили, в самом деле... Не понимаю. Я – туда.

В это же время Парафинов читал вслух дознавателю Войлоковой Наташе и – о! – как злился, вкладывая в слова всю имевшуюся желчь:

– «Начальнику криминальной милиции Парафинову И. И. от Киселева В. А.». Почему-то мне шлют! Далее: «После неоднократных угроз в мой адрес со стороны гражданина Маймурина М. О. вынужден письменно заявить, что моя жизнь в опасности. Он не только мне лично угрожал расправой, но и в кругу наших общих знакомых не раз говорил, что оторвет мне голову, а мои уши повесит себе на грудь в качестве трофея. Хотя гражданин Маймурин, а не я открыл колбасный цех и выпускает продукцию того же наименования, что и мое предприятие, но в разы худшего качества, подрывая тем самым мой авторитет и мою репутацию честного предпринимателя. Маймурин присвоил мою марку, которую я зарегистрировал в 1999 году, в то же время считает, будто я намеренно создаю ему конкуренцию, обливаю его грязью...»

Парафинов вытер лысину на макушке и шею платком, выпил воды, встряхнул листы, приготовившись читать дальше, но вдруг брезгливо кинул их и взял другие.

– По заявлению Киселева все? – поинтересовалась Наталья.

– Нет, что ты! В том же духе еще на два листа намалевал, потом дочитаешь. А заканчивается кляуза просьбой завести на Маймурина дело и привлечь к уголовной ответственности. Погоди возражать, я тебе еще кое-что зачитаю. Получено тоже вчера, и опять мне прислали. «Начальнику...» Так, шапку долой... «Заявление. После неоднократных угроз в мой адрес со стороны Киселева В. А. вынужден заявить, что моя жизнь в опасности...»

– Вы же только что это читали, – перебила Наталья.

– Я читал другое заявление, – зло прошипел Парафинов. – А это... угадай от кого?

– Не умею гадать.

– От Маймурина! – бахнул по столу кулаками он. – И этот... нехороший человек Маймурин на трех листах кляузничает на своего бывшего приятеля! И просит завести уголовное дело на Киселева, который угрожал его... цитирую: «Стереть... Изничтожить... Растерзать... Уконтропупить...»

– А, – вспомнила Наташа, рассмеявшись, – этими заявлениями занимается Ленка. Киселев и Маймурин раз в квартал присылают по заявлению, мы всем отделом хохотали над их враждой. Почему вы меня вызвали?

– Потому что Ленка не справилась. Может, ты везучая, Наташка? Может, тебе удастся объяснить двум кретинам, что состава преступления нет, поэтому дел заводить мы не будем, тем более уголовных. Я устал. Они ж и домой мне звонят, по ушам ездят по часу! Еще чуть-чуть – и я обоих сам убью.

– А у них дети есть? – неожиданно спросила она.

Прыгающие чертики в Наташкиных глазах озадачили Парафинова, он настороженно кинул встречный вопрос:

– Ты к чему про детей спросила?

– Ну, если у них есть дети, то давайте поженим их, тогда вражда прекратится, как в «Ромео и Джульетте».

– Не умничай, – буркнул шеф. Зазвонил телефон, он снял трубку. – Парафинов слушает...

Выслушал, спокойно положил трубку на аппарат, вздохнул:

– Накаркали эти два... муравода! В Арамиса Баграмяна стреляли возле его клуба «Корлеоне».

– Когда? – вытаращилась Наталья. Арамис – известная фигура в городе, вызывающая у одних зависть, у других восхищение, у третьих раздражение.

– Минут двадцать назад. Стреляли примерно с десяти-пятнадцати шагов, преступники скрылись на черном джипе.

– Минут двадцать назад?! – округлила глаза Наташа. – Там же народу тьма в это время... там всегда тьма наро... Это одно из самых многолюдных мест в городе, тем более день... Среда бела дня стреляли и всего с десяти шагов?! Что за смельчак выискался? И как? Убили Арамиса?

– Жив. Везут в больницу. Но, судя по тому, что пуля прошла его насквозь... Ай, ладно, не будем каркать. Забирай заявления, Наташка, и работай, работай. Но чтобы эти два муравода не присылали мне свитков, тем более не звонили! Поняла? Действуй, с меня коньяк. Все, я поехал на место происшествия.

3. Семья – это сила

Еще одна категория, наиболее многочисленная, мягко говоря, неприязненно относилась к Арамису Баграмяну, но не входила в круг его друзей-знакомых – простые горожане. Именно они, проходя мимо высоченного забора и видя лишь остроконечные башенки дворца эпохи Шарля Перро, могли и выругаться, и плюнуть на забор, и обозвать хозяина непечатными словами. Почему Шарль Перро приходит на ум? Потому что дом Баграмяна с виду какой-то игрушечный, ненастоящий, скорее сказочный, словно туда должен прийти принц и разбудить спящую красавицу. Но это дом, там живут люди, надо сказать, неплохо живут. И красавица, обитающая там, не спящая и не принцесса, а вполне реальная женщина по имени Раиса. По ее блуждающей улыбке господину Саенко трудно было определить, как она относится к его жалобе, приехал-то он сюда специально, чтобы мать поставить в известность о поведении сына:

– Возвращаясь с прогулки, я только ступил на проезжую часть, вдруг с диким ревом появляется машина и проносится мимо. Раиса, поверь, у меня отличная реакция, потому что не принимаю спиртного, но даже я еле успел шарахнуться назад. А Читу пришлось со всей дури дернуть за поводок, чтобы не угодила под колеса, она, бедняжка, чуть не задохнулась.

– Ну и? – вымолвила Раиса, не понимая, чего он хочет.

Саенко опешил. На ее месте он такую взбучку устроил бы своему отпрыску, чтобы тот на всю оставшуюся жизнь запомнил.

– Понимаешь, Раечка, если бы я был хоть чуточку выпивши, следовательно, с ослабленной реакцией, точно попал бы под колеса твоего сына. И уверяю, закрыв глаза, я их больше не открыл бы. Раечка, в городе на такой бешеной скорости не ездят. Нельзя. И за городом тоже существуют ограничения.

Она мягко улыбнулась, но твердо сказала:

– Понимаешь, Дима, эта машина любит ездить быстро.

Что на это скажешь? Только одно: мамаша, очнись, ведь и твой сын может погибнуть в ДТП. Но это бесполезно – вот уж поистине Спящая красавица, поэтому Саенко сказал другое:

– Раечка, я в курсе, что Арамис купил сыну спортивную машину, но она не для российских дорог – это раз. Два – скорость в городе ограничена, максимум шестьдесят километров в час, а не сто шестьдесят. И потом, милая Раиса, ты разве не знаешь, что за сбитого человека полагается тюрьма?

– Вито еще никого не сбил, – возразила Раиса.

– Когда собьет, будет поздно, – раздраженно бросил Саенко. – Кстати, у него права есть?

– М-м-м... – задумалась она. – Кажется, Арамис не успел купить.

– Купить?! Раечка, вы с Арамисом в своем уме? Вам не жаль сына, дорогушей машины, которую он угробит, обязательно угробит. И себя вместе с ней.

Никому не позволительно разговаривать подобным тоном, только избранным, тем, с кем приходилось поневоле считаться. Саенко относится к избранным, в его руках сосредоточен депутатский корпус в городе, то есть дума, а муж Раисы настроил планов громадьи, думцы их могли затормозить или... помочь продвинуть. Отсюда и Раиса не посмела сказать Саенко, чтобы он не совал свой нос куда не следует, когда речь заходит о ее сыне. Тем не менее его слова задели эту красивую женщину, и, являясь к тому же амбициозной и вспыльчивой, она все же решила дать отпор, да вдруг раздался бархатный голос:

– Я, мама, согласен с Дмитрием Родионовичем.

– Ах, это ты, Ипполит... – протянула Раиса, подставляя старшему сыну щеку, куда он, наклонившись, дежурно чмокнул ее. – Мог бы позвонить.

– Не предполагал, что заеду, – обходя диван, сказал Ипполит и протянул руку Саенко, притом то ли пошутив, то ли высказав горькую правду шутливой интонацией: – Мама, как всегда, мне не рада.

– Вот еще глупости, – довольно равнодушно проворчала она.

– Ипполит, ты не прав, – поддержал ее Саенко.

В сущности, Дмитрию Родионовичу все равно, кто тут кому рад или наоборот, но, когда апеллируют к тебе, приоткрывая семейные тайны, поневоле втягиваешься и принимаешь чью-то сторону. Лучше принять сторону Раисы, ибо потом она всю плешь проест обидами, заморись извиняться.

– Прав, прав, – погрузившись в кресло, рассмеялся Ипполит. – Знаете почему? Посмотрите на нее, на вид маме тридцать пять – тридцать семь, правильно?

– Ты льстишь мне. – И щеки матери зарделись от удовольствия.

– Но появляюсь я, – продолжил сын, – и называю ее мамой, иллюзия рассеивается, все начинают подсчитывать, сколько ей на самом деле лет. Ведь, глядя на меня, не скажешь, что мне семнадцать.

– Даже двадцать не дашь, – согласился Саенко. – Ты тянешь на свой тридцатник.

– Ну, спасибо, Дмитрий Родионович, четыре года вы не у меня отняли, а маме прибавили, она вам будет признательна.

– Прекрати, – процедила Раиса, которой начальная оценка сына понравилась, а продолжение разозлило.

– Но я не обижаюсь на тебя, ма, – приподнял ладони Ипполит. – Иногда и мне становится не по себе: моя ты мать или где-то меня подобрала в далеком детстве? Например, в капусте? Мам, хочешь, буду называть тебя не мамой, а Раечкой? Мне не трудно.

– Болтун, – вспыхнула мама.

Саенко снова убедился: в словах Ипполита двойной смысл, но который из них истинный – не разберешь. В сущности, на фиг ему чужие проблемы? По простоте душевной, а также желая упредить вероятное несчастье, он из плотного графика вырвался на часок, но Раиса верна себе. Эта женщина слишком самоуверенна, эгоистична, заносчива, не подвергает даже мизерным сомнениям поступки членов своей семьи – ради чего же копыя ломать? Саенко вскочил, как обычно в подобных случаях, уставился на часы, чтобы оправдать внезапную спешку:

– У, ребята, мне пора.

– И кофе не выпьешь? – поднялась Раиса, чтобы проводить гостя.

– Нет-нет, вы уж без меня, я побежал... э... поехал. До свидания, Раиса. Всего доброго, Ипполит.

Оставшись один, Ипполит взял яблоко из вазы, подбросил его, понюхал и задумался.

Его имя – целая история. Когда не хотели в свидетельстве о рождении написать просто Вито: мол, что это за имя, обрубок какой-то (попалась упрямая тетка), записали Витторио. Вито не терпел, если его называли Виктор, точнее – зверел. Он мальчик нетерпимый, баловень как отца, так и матери, к тому же необузданного темперамента, а может, все в совокупности называется проще – распушен.

Он рассекал на своей спортивной машине один, почему-то кататься с ним ребята отказались, а так хотелось прокатить их с ветерком, увидеть ужас в глазах, когда набирается скорость – а она с нуля перескакивает за сотню, – услышать восторги. Машина легко превращается в кабриолет и в седан, такой ни у кого нет в городе, пожалуй, и в других городах области не найдешь. Вито обиделся на приятелей, отказавшихся разделить его счастье. У него есть и друзья, с которыми велено отцом дружить, потому что они свои, но не этих он мечтал приручить, а тех, кто избегает дружбы с ним.

Слишком увлекся Вито раздумьями, что ему не свойственно, все отпуская педаль газа, отпустил... его обогнал старый «жигуленок». Гнев обуял юного Баграмяна, он вжал педаль газа в пол, авто словно выбросило вперед, «жигуль» остался далеко позади.

Вито остановил машину поперек дороги (теперь его не объедешь), вышел и встал, широко расставив ноги. Подъезжая, водитель «жигуленка» просигналил, но юноша не сдвинулся с места, пришлось остановиться.

– Эй, мальчик, убери машину с дороги! – крикнул водитель, высунувшись в окно.

Вместо того чтобы выполнить элементарную просьбу, мальчик поспешил к нему. Мужчина не понимал, чего он хочет, переглянулся с женщиной, оба пожали плечами, в следующий миг женщина завизжала.

Вито с силой ударил железным прутом по лобовому стеклу, оно треснуло, второй удар разнес его вдребзги.

– Ты что делаешь?! – взревел мужчина, закрывая голову руками от ливня осколков, да и от железного прута тоже.

А Вито бил по остаткам стекла, которые разлетались во все стороны, женщина визжала, что подогревало в юноше азарт. Потом он перебежал к багажнику и в два счета разнес заднее стекло, после чего заорал на мужика:

– Еще раз, свинья, обгонишь меня, я тебя на куски порву!

На заднее сиденье своего авто Вито кинул прут, который возил с собой на всякий случай, сел в машину и – вжик! Будто улетел. Женщина в «жигуленке» от испуга тряслась, а мужчина, несмотря на растерянность, ибо с подобными психами ему не приходилось встречаться, набирал номер на сотовом телефоне.

– Куда ты звонишь? – поинтересовалась она.

– В милицию. Чтобы этому выродку надрали задницу, а его родители оплатили нам ущерб.

– Ты видел, какая у него машина? Его откупят, ты же выйдешь виноватым.

– Посмотрим. Во всяком случае, мамаше с папашей ублюдка я проблему создам.

– Думаю, проблем им хватает, они же воспитали этого монстра.

– Алло, милиция?..

– Сто лет тебя не видели, – вернувшись, сказала Раиса.

– Три месяца, – уточнил Ипполит, не выходя из задумчивости.

– Надолго?

– Да нет, я заехал... – Он посмотрел на мать, не освободившись от явно невеселых мыслей. – Мама, неужели тебя не беспокоит твой младший сын? Знаешь, как в народе говорят про таких, как наш Вито? Ладно, сам убьется на своей тачанке, но он же людей угробит.

– Народ из зависти...

С матерью Ипполит ведет себя как благоразумный отец с ограниченной дочерью, стараясь ее не настраивать против себя, потому взял самый мягкий тон, на какой был способен:

– Мама... Не стоит из людей делать дураков. Я сейчас не о чужих людях веду речь, а о брате, мне его жалко. Ты подумай, как он будет жить в обществе, всех презирая, ни в грош не ставя? С кем будет жить? Кто его вытерпит?

– Видишь ли, некоторые заслуживают презрения. – А маму ничем не сдвинешь с занятой позиции! – Если человек не добился успеха, если живет в сарае, ест всякую дрянь, одевается чуть лучше бомжа, он ноль. Ничтожество.

– Мама, это очень плохая позиция, мягко говоря. С нею не согласятся те, кого ты называешь ничтожеством. Скажи, так ли необходимо было покупать Вито безумно дорогую машину?

– Но Арамис обещал, если Вито без троек закончит год, к тому же у него день рождения близился, двойной праздник... вот и купил. Вито мало на ней ездит, поверь.

– Твой муж, мама, сделает из Вито жертву отцовской любви. Ты бы хоть иногда напоминала им о реальности. А если с вами что-то случится?

– Не говори так...

– Мы все под Богом ходим, мама! И что будет делать твой сын? Вито напрочь лишен примитивных навыков общения с себе подобными, не знает запретов, не чувствует, где черта, за которой стоят понятия «можно» и «нельзя». Да его прирежут в подворотне...

– Оставь, я не могу это слышать. – Раиса заходила по гостиной. В их доме целых три гостиные. – Уф, у меня сердцебиение... Если ты так озабочен поведением брата, поговори с Арамисом сам.

– Нет, мама, с ним я разговаривать не стану, – рассмеялся Ипполит, тем самым свернув проблему. – Я твой сын, а не его, отсюда у него ко мне определенное отношение.

– Арамис никогда не упрекал тебя...

– А в чем ему упрекать меня? Я не сидел на его шее, не жил с вами, не просил денег, всего добился своими руками и головой. Я, конечно, не богат так, как твой муж, но и к ничтожеству не отношусь.

– Ты меня огорчаешь. Между нами какой-то барьер...

– Ну, хочешь, буду твоим братом? Старшим? И барьер исчезнет.

Он подошел к матери, со спины обнял ее, она потрепала его за светловолосый чуб, пожурив:

– У тебя дурацкие шутки. И сам ты дурачок.

– Как только я приезжаю, мы сразу начинаем ссориться.

– Виноват всегда ты.

– Кто бы сомневался.

– Возьми трубку, скандалист.

Ипполит отошел к звонившему телефону:

– Да?... Да, вы туда попали... Я сын жены Арамиса Баграмяна... – Он прикрыл трубку ладонью, проговорив шепотом: – Мама, прости, забыл, что я твой брат. – И вновь в трубку: – А что случилось?..

Раиса засмотрелась в окно на клумбу – это ее произведение, хобби. Клумба потрясающе красива, каждый день Раиса осматривает растения, убирая завянувшие листочки, поливая цветы или просто созерцая красоту. Растений на пяточке много, поражают разнообразием, благоухает клумба утром, днем и ночью, а хочется посадить еще, у Раисы масса книг по уходу...

Ее насторожила тишина в гостиной, она обернулась. Сын стоял с опущенной головой, сунув пальцы в карманы джинсов, нечто трагическое читалось в его позе.

– Ты пугаешь меня, – сказала мать.

– Да? – вскинул он глаза на нее. – На этот раз ты права, мама...

– Что? Что тебе сказали?

– Ма, ты сядь...

– Я хочу знать, что случилось. С Вито?

Ипполит про себя отметил: все же она понимает, что ее младшенький если еще не подружился с неприятностями, то исключительно из-за везения, а оно своенравно. Но пора ей сказать правду:

– В твоего мужа стреляли...

– А! – ахнула она, превратившись из ледяной статуи в обычную женщину. – В Арамиса? И... и что? Он... – она глотнула сухой ком. – Он...

– Его отвезли в больницу, – поспешил Ипполит немного успокоить мать, она близка была к обмороку. – Он в операционной.

Раиса заметалась, как мечутся люди в горящем доме в поисках выхода, зачем-то схватила шаль, потом бросила ее, побежала к лестнице, вернулась:

- Надо позвонить Павлюку... он хирург... высокочеловеческий...
- Мама, со мной разговаривал Павлюк перед тем, как уйти в операционную.
- Это хорошо... – Она опустилась на диван. – Тогда... мне надо в больницу. Я не смогу сидеть и ждать здесь. Ты отвезешь меня?
- Конечно.

Горбанев въехал на дачный участок, внимательно огляделся по сторонам, как последний вор. Впрочем, он и есть вор, крупномасштабный – по квартирам и карманам не тырит, только у государства, да и то когда многие тырили, сейчас он бизнесмен. Наблюдая за ним, Алла ехидно усмехнулась:

- Ты кого-то ищешь?
- Соседей. Моей сразу настучат, что я приехал не один.
- Думаешь, она не догадывается?
- Догадываться – одно, а знать... Выходи, поблизости никого. Быстрее, Алла! Дверь на террасу открыта.

А она не торопилась, нарочно вышагивала поступью королевы. Иногда ее так и подмывало врезать Толику пощечину и навсегда уйти. Но есть такая ненужная штука в человеке: любовью называется, и она не просто зла, а очень зла. На досуге Алла рассуждала, что ученым следует не над новыми технологиями работать, а совершенствовать человеческий организм. Главное, вырезать орган, отвечающий за влечение к определенному человеку, желательно ко всем дышать одинаково ровно, без придыханий. В этом случае польза очевидна: нервы будут целее, браки крепче, дети здоровее – за чахлого и тем более больного мужчину уже не выйдешь замуж, только по великой любви. Произойдет естественный отбор, выживет цвет человечества, а шушера сгинет. А производительность труда вырастет... ведь человечество избавится от переживаний, связанных с любовью.

Алла остановилась перед дверью, не собираясь брать за ручку, пусть Только открывает, как дверцу авто перед дамой.

- Извини, – суетливо распахивая дверь, сказал Горбанев, – здесь небольшой бардак, позавчера покутили с друзьями... Проходи.

Алла не однажды здесь бывала, практически не глядя, кинула сумочку на каминную полку (упала та точно между бронзовыми подсвечниками), затем опустилась в кресло, взяв пульт, включила телевизор. Горбанев вносил коробки, коробки... Он запасливый и считает, что недостатка ни в чем не должно быть даже на даче.

- Радость моя, ты тут приберись, а я спущу коробки в подвал.
- Еще чего. – Нет, Алла ничем не дала понять, как возмущалась, да на Толика крики с воплями действуют как таблетка снотворного. – Сигарету мне и бокал шампанского! А «приберется» здесь твоя супруга.

Странно устроены мужики: когда их обожаешь, норовят нагадить тебе прямо на голову, когда относишься к ним с пренебрежением, ценят и боятся потерять. Где логика? Горбанев дал ей пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, а потом открыл шампанское и поднес наполненный бокал с просьбой:

- Ну, хоть бутерброды с икрой сделай.
- Позже. Я устала.

Алла с наслаждением курила длинную сигарету и пила по глотку шампанское – это любимый напиток, глотала его ведрами, как только количество выпитого не привело ее к алкоголизму или к циррозу печени? Мысли крутились вокруг дневного ужаса, лужи крови, двух распростертых тел, толпы зевак... Она не из слабых дам, ее трудно чем-либо удивить, а все равно дрожь пробирала при одном воспоминании.

Горбанев резал мясо, оказывается, он умеет что-то делать. Но Алла догадалась, зачем Толик ее привез, загасив вторую выкуренную сигарету, сказала:

– Я тебя знаю, так что давай без вступлений. Говори, зачем привез меня сюда?

– Не знаю, чем там... – взмахнул он ножом, указывая себе за спину, – кончится дело, но у меня есть проблема. Большая.

– Чем кончится, мы узнаем, мне позвонят. – Она знала, о чем идет речь, вернее, о ком. – Что за проблема?

– Неделью назад я дал Арамису займы...

– Сколько?

– Двадцать пять тысяч зеленых.

Он ожидал, что Алла как-тоотреагирует, сумма-то не шуточная, но она молчала. Горбанев взглянул на нее – лицо, как на иконе: спокойное, мирное. Он налил себе коньяка, ей шампанского, выпил, не чокаясь и без дурацких тостов, не до того сейчас. Стресс снимет спиртным и в нормальной постели с ней же, с Аллой, а не на неудобном диване за кабинетом, пару часов на это хватит. Но что делать, как деньги вернуть? Его несчастное лицо навело на Аллу уныние, вообще-то она пожалела Толика, всегда его жалела, тогда как он...

– Надеюсь, – подала Алла голос, – ты не сделал глупость?

– Сделал, – признался он.

– Ты дал деньги под честное слово?! – Вот теперь она изумилась.

– Не совсем так... Понимаешь, ему нужны были деньги срочно... некогда было оформить... Черт! – всплеснул он руками под рентгеновским взглядом Аллы. – Да, да, да! Я сглотнул. Причем по-дурацки все произошло, не знаю, как у меня мозги съехали. Не так давно я предлагал Арамису купить «Табакерку», он сказал, что у него некоторые трудности, короче, денег не было. И вдруг он забегает ко мне как ошпаренный, просит денег на покупку автомобиля: сумма нужна срочно, мол, деньги есть, но не в городе. В общем, я взял расписку. С паспортными данными... с... Он все же мой друг!

– Ну, хоть расписка... Налей. – Он осторожно лил в бокал шампанское, Алла вяло читала ему нотацию, да сколько же раз объяснять простейшие правила арифметики? – Меня поражает недалёковидность и юридическая безграмотность, в чем тебя с твоей деловой хваткой в принципе сложно упрекнуть. Но даже ты, человек ушлый, иногда ведешь себя как профан. Для таких неожиданностей, как сегодняшняя, и существует юрист, который просчитает возможные неприятности, учтет возможные потери и составит правильный документ. Почему вы себя считаете самыми умными?

– Безнадежно? – по-своему понял он лекцию.

– С распиской не безнадежно, но учти на будущее, что огромные суммы нужно оформлять по всем правилам, иначе с кого спрашивать в случае смерти заемщика? Арамис подождал бы, куда не делся б. Небось деньги взял на новый джип, который купил утром? – Он кивнул. Алла сбросила туфли на шпильках, забралась в кресло с ногами. – Толик, скажи... У тебя огромный дом... в нашем городе мания строить дворцы до облаков, всем хочется стать богами... А дача тебе зачем?

– С тобой встречаться.

Горбанев потянулся к ней, Алла его отстранила:

– Не надо, настроение не то, честно.

А какое будет настроение, если, строя дом, он намекал: мол, переедем туда вместе, но переехал с прежней женой. Однако за намеки не несут никакой ответственности, ведь всегда можно сказать: тебе показалось, милая. Уф, все обещания нужно оформлять договором по правилам и со штрафными санкциями.

В операционную сбежались крепкие хирурги, Павлюк среди них, но он не оперировал, а присутствовал в качестве наблюдателя, советчика, хотя ни одного совета не дал. Лишь попав в операционную, где шла операция полным ходом, взглянув всего одним глазом на месиво под хирургическими инструментами, он попросту устранился. Но и ему не по себе становилось, когда очередные усилия шли прахом: дыру зашивают, кажется, наконец-то удалось, а она расплзается, словно человеческая ткань состоит из сжатого газа и не имеет плотности. Сказать, мол, не мучайтесь понапрасну, не позволяла надежда на чудо. Но ведь чудеса случаются, настоящие чудеса, не подвластные убогому человеческому разуму! Поэтому Павлюк в безнадежных случаях говорит родственникам оперируемых: «Умеете молиться? Молитесь». И сейчас сказал бы Раисе: «Молись, а мы бессильны».

Шьют по новой. Который раз уже? Пора разорванные после игл края сшивать между собой, только после этого рану. А рана... тоннель, ей-богу.

Павлюк самый молодой из хирургов, при всем при том пользовался уважением коллег, потому что он талант. Талант – это так просто, это внезапное озарение, неординарный ход вне логики и правил, а в результате – единственно верное решение, спасенная жизнь, сладкое чувство удовлетворения. Однако когда коллега вскидывал на него вопросительно глаза, дескать, чего молчишь, подскажи, Павлюк опускал свои. Впрочем, это и был честный ответ. К сожалению, Арамису не помогут ни опыт врачей, ни молитвы.

Остановка сердца. Секунды на принятие решения.

– Попробуем запустить, – тихо сказал Павлюк.

Он не мог этого не сказать, надежда жива и в безнадежной ситуации. Его слышали, засуетились. С первого раза получилось, но будет вторая остановка, она обязательно будет.

Время идет. Оно истощает и того, кто на столе, и тех, кто вокруг стола, оно беспощадно приближает к концу. Врачи пытаются удержать жизнь, а та не хочет оставаться в продырявленном теле. И все же чудеса случаются...

Съездившись, Раиса сидела на стуле в холле хирургического отделения, Вито спал на неудобном диване, его еле уgomонили, мальчик просто забился в припадке истерики, пришлось согласиться на укол успокоительного, вкололи насильно... Ужасно все. А она должна держаться, это так сложно. Рядом устроился на корточках с пепельницей в руке старший сын, курить он выходил, но пепельницу носил с собой, а лицо строгое, хладнокровное. Он поднял на мать темно-серые глаза, умные и теплые, впервые Раиса заметила, что Ипполит уже мужчина, к тому же очень привлекательный. Наверняка на эти глаза, светло-русую густую шевелюру, высокий лоб, слегка ироничные губы охотятся девицы. А если учесть рост и телосложение, коммуникабельность и успешность, то, вероятно, толпы женщин атакуют Ипполита.

– Как ты? – озабоченно спросил он.

Стыдно, но она была плохой матерью ему. Да что там, если честно, то вовсе не была мамой, его воспитывали дедушка с бабушкой, Раиса занималась собой, потом второй семьей. Она старше Арамиса на... неважно. Никто не замечал разницы, зато никто и не знал, какой это каторжный труд.

– Нормально, – отвела она взгляд от сына.

– Мама, извини, что я напоминаю в такой неподходящий момент...

– Говори, говори.

– Тебя и сегодня не насторожил Вито? Мама, он ворвался в больницу как ненормальный. Безобразно орал, а тут кругом люди, между прочим, больные. Я бы на месте врачей поместил его в психушку.

– Давай не сегодня об этом, а?

– Хорошо. – Помолчали. Но тишина выжимала из нервов последние соки. – А я приехал сказать, что... может быть!.. я женюсь.

- М-м-м, – равнодушно кивнула она. – Значит, я скоро стану бабушкой.
- Понимаю, тебе эта перспектива не по душе, но... извини.
- Сейчас мне не до этого, прости, Ипполит...

Появился Павлюк, Ипполит поднялся, поднялась и Раиса. Иногда не нужно слов, без них даже легче принять случившееся. Принять, ибо другого не дано, и понять, что наступили перемены. Раиса затряслась в беззвучных рыданиях, старший сын обнял ее, прижал к груди, младший спал крепко.

Многие служители медицины – философы, задавался философским вопросом и Павлюк: что же способен совершить человек, если у него отбирают главное богатство, которое не положишь на сохранение в банк, не передашь по наследству, ничего на него не купишь? Жизнь сложно сберечь, растянув ее на максимально длинный срок, но некоторые с безумством бес-
смертных растрачивают ее на пустяки.

4. Смерть чужая, а проблемы...

Если в крупных городах живущие на одной площадке люди не знают друг друга – им просто некогда познакомиться, то в небольших существует другая проблема: все знают либо тебя лично, либо о тебе, а о твоих прегрешениях тем более, когда ты на виду.

Арамис был на виду, точнее, глаза мозолил его клуб, о котором ходило много грязных слухов: и наркоту там свободно толкают, и проституция цветет, как вишневый сад весной, и постреливают, и детвору оттуда увозят в неизвестном направлении. Слухи – вещь тлетворная, они плодят в общественном сознании негативные эмоции, взращивают агрессию, это опасное состояние. А для правоохранительных органов слухи – вещь бесполезная, так как не подкреплены фактами и уликами, посему Арамиса Баграмяна не трогали, но! Старые кадры тех самых органов держали в уме слухи – они же не берутся с потолка, держали до поры до времени. В данном случае после пули слухи станут основой для версий. О дерзком покушении весть разлетелась еще вчера, народ разводил руками: удивляться тут нечему, нечто подобное должно было случиться. Кое-кто и злорадствовал – вот каков результат народной молвы, а ведь стреляли в человека.

Парафинов лично знал и Арамиса, и Яна – одного из главных свидетелей покушения. Он приехал навестить Акулича, которого вчера тоже доставили в больницу с сердечным приступом, а к вечеру его забрала оттуда жена, ведь дома спокойней, дома и стены помогают. Конечно, тут ему все удобства, привычная обстановка, а не стоны на койке рядом, а то и смерть – брр! Дома лучше.

Акулич выглядел жутко – желтый, будто вчерашняя пуля рассеяла бациллы желтухи и заразила Яна. Губы синеватые, глаза ослика, попавшего в капкан вместо волка, короче говоря, не вовремя появился Парафинов. Но исключительно из-за лени, чтобы второй раз не приезжать, он упал в кресло у кровати, попросил жену Яна принести попить, обмахиваясь папкой, извинился:

– Не обессудь, Ян, но по горячим следам...

– Понимаю. – Акулич закатил глаза к потолку, руку закинул за голову. – Мне стыдно, я смалодушничал...

– Ай, брось, брось... Современному человеку пережить вчерашнее покушение чрезвычайно сложно, тут любого долбанет приступ.

– Что с Арамисом?

– Пока сведений не поступало.

– То есть он жив? – обрадовался Акулич.

– Жив, жив. – Жена Яна принесла квасу, Парафинов пригубил напиток, собственно, пить ему не хотелось, думал, женщина сообразит, что лишняя здесь. Нет, не сообразила. – Ян, ты можешь рассказать, как это случилось?

– Игорь Игоревич! – всплеснула руками жена.

– Спокойно, – урезонил ее Акулич. – Шла бы ты отсюда... дай поговорить.

– Ян, тебе нельзя волноваться... – напомнила она.

– Вот и не волнуй меня. Иди. – Она ни с места. – Иди, я сказал, нам не нужен надсмотрщик. – Акулич проводил ее негодующим взглядом, после чего вздохнул тяжело, подумал и начал: – Да рассказывать будто бы нечего... Мы приехали на его новой машине, он просил дать ему взаймы денег, показал, куда пойдут. Рассказывал, как облагородит вход в клуб, где будет висеть вывеска... Вдруг сзади меня как ухнет. Я, охотник хренов, и не понял, что это. Мелькнуло: выстрел, но мне думалось, это нереально... Средь бела дня, народу полно... И по Арамису ничего не понял, он даже не вздрогнул, не изменился в лице, а просто приложил ладонь

к груди... Я оглянулся. Всего в нескольких шагах от нас черный джип сорвался с места... Да нет, не сорвался, просто уезжал.

– Хочешь сказать, киллеры не торопились?

– В том-то и дело! Ну, я не заподозрил ничего дурного, поворачиваюсь к Арамису... И тут мне в глаза бросилась его бледность. Он отнял от груди ладонь, а она в крови... Смотрю – рубашка, пиджак... на них кровь! Он на меня глаза поднял и сказал: «Меня убили. “Скорую”...» И упал. Знаешь, Игорь Игоревич, я рассказываю долго и нудно, а произошло все за считанные секунды...

– Знаю, знаю, – заверил Парафинов.

– Мне стало... плохо. Да, стало плохо. То ли от вида крови, то ли от того, что случилось на моих глазах... Нет, если честно, я от страха чуть не задохнулся, мне чудилось, в меня целятся тоже... В общем, я понял, что падаю, а что-то сделать, чтобы устоять, не смог, я не владел собой! Только подумал... лишь бы не на труп... Почему-то Арамис мне показался трупом, а он жив, к счастью.

– Понятно. Ты видел, кто сидел в джипе?

– Не-а. Но, безусловно, кто-то сидел. Ты спроси старух, что торгуют семечками, я помню, они там торчали. Джип стоял рядом с ними... м-м-м... метрах в пяти. Да-да, у меня запечатлелась картинка: джип отъезжает, старухи сидят... обалдевшие.

Парафинову позвонили, он поднес сотовый к уху:

– Да?... Спасибо, что сообщил. – Опустив трубку, постукивая ею по подлокотнику, он буркнул: – Ну, вот и все.

– Плохие новости?

– Павлюк звонил. Арамис скончался на операционном столе. Перед рассветом. После выстрела так и не пришел в себя.

Алла вырулила со двора, проехав по оживленной улице, попала в пробку. Решила сделать крюк и свернула в переулок, хотя опаздывала на основное место работы. Все из-за Толика, ему срочно нужно позвонить, Алла, не бросая руль, нажимала на кнопки. Он ответил:

– Есть новости?

– Ну, сначала надо здороваться с любимой женщиной.

– Извини. Здравствуй.

– Быстро готовь расписку, Арамис умер.

– Постой, я не въеду...

– А тебе и не надо въезжать, если хочешь вернуть свои деньги. Я ведь за рулем, могу убиться, ты лишишься толкового юриста, который тебя не раз выручал...

– Аллочка, звезда моя, хоть намекни, что ты намерена делать?

– Только коротко. Мы, имея расписку, предъявляем ее наследникам к исполнению, проще – требуем с них долг. Если наследники откажутся платить по расписке, мы обращаемся в суд за взысканием, суд может наложить арест на их имущество в качестве обеспечения иска. За счет имущества погасят долг. И ты, раз у Арамиса нет денег...

– Как нет денег? Он же ремонт клуба заканчивал...

– Он занял у тебя крупную сумму, значит, наличных денег ни на счету, ни в ящике стола, ни в кармане у него не было. Что тут непонятно?

– На машину не хватало, вот и занял...

Не иначе как от растерянности Анатолий Петрович несет ахинею. Всем известно, Алле тем более, что Горбанев жадноват, он рубля не кинет нищенке, а тут двадцать пять тысяч, и не рублей! Да его сейчас кондрашка хватит. Но Алла действительно выручала Горбанева не раз, потому что всегда по-бабьи жалела, пожалела и сейчас, вместо ехидных подначек поведала свои выводы по поводу убитого Арамиса:

– Толик, ты ведь не знаешь, у кого он еще занимал и сколько. Прости, что напоминаю, но убивают за тяжкий проступок. Может, Арамис кому-то тоже должен. К примеру, миллион баксов. А отдавать отказался, его и убили, чтобы получить долг тем способом, которым хочу воспользоваться я. Наша задача очутиться в первых рядах, следовательно, продумать каждый шаг. Через суд – это долго, я проконсультируюсь, как коллекторы выбивают деньги из должников, у них свои методы, весьма действенные. Но коллектор, если захочешь его нанять, обойдется дороже, поэтому я попытаюсь сама, понял?

– Понял, когда приедешь?

– В конторе отмечусь и к тебе рвану. Между прочим, у меня слушание дела в суде в одиннадцать...

– Ты не успеешь, – запаниковал Горбанев.

– Куда, к тебе или в суд? – не удержалась от ехидства Алла.

– Алла, я тебя умоляю...

Тон взял суровый, значит, злится, а когда Толик злится, становится непредсказуемым, в этом состоянии он способен разорвать их некрепкие отношения, что не входило в планы Аллы.

– Жди, скоро приеду, – сказала она. – Да, кстати, если я верну тебе деньги, что получу взамен?

– Меня, – заявил он все тем же тоном.

Алла рассмеялась, но не издевательски:

– Ты, конечно, большое счастье, но у меня запросы скромнее. Из той суммы, что я верну тебе, выделишь мне, скажем, тысячи три? – Вот почему она не хочет сейчас разрывать с ним отношения, ей нужен гонорар.

– Выделю, – буркнул он.

Недоволен. Ну и пусть. У него два выбора: либо получить деньги без трех тысяч, либо вообще ничего не получить. Между прочим, раньше Алла и не заикнулась бы: мол, где моя часть за мозги, которые ты бессовестно эксплуатируешь? Но люди растут, умнеют, набираясь опыта, в этом смысле и любимый человек постепенно превращается в любовника, разумеется, не беспричинно, а у любовника другой статус, как и у любовницы.

Тщетно искал парковку Ипполит, проехал кафе «Гренок», сделал лишний круг по периметру квартала, снова проехал кафе. Какая досада! Вдруг увидел, как отъезжает авто, стал посреди узкой улицы, дожидаясь, когда освободится место. Ему сигналили сзади, требуя освободить проезжую часть, но он и ухом не повел, а как только стало возможным, припарковался у обочины.

В кафе Ипполит приостановился, изучая зал, бессонная ночь рассеяла внимание, он не сразу заметил, что Дина машет ему. Идя к ее столику, невольно пришло на ум сравнение: с такой искренней радостью его встречает только бабушка, дед более сдержан, но любит внука не меньше, к счастью, оба живы. Ипполит опустился на стул, натянул виноватую улыбку:

– Прости, я опоздал.

– Мне не нравится, как ты выглядишь, – заметила Дина. – Бледный, кислый... Что-то случилось?

На Дине он остановил выбор по простой причине: ненавязчива, тактична (это качество сейчас дефицит), непретенциозна. И характер у нее уступчив, она женственна. Не яркая красавица, конечно, тем не менее в наше время женщины умеют преподносить себя. Она будет верной женой, идеальной матерью, хорошей хозяйкой дома. А как насчет любви? – наверняка спросил бы обыватель, если бы услышал размышления Ипполита. Любовь-страсть с практической точки зрения ненадежная штука, ибо проходит быстро, постфактум оба влюбленных зачастую ужасаются друг дружке и разбегаются, став врагами. Дина не раздражает – уже отлично, с ней спокойно, стабильно, его тянет к ней, он скучает без нее, разве этого мало?

– В ближайшее время я не познакомлю тебя с мамой.

– Почему? – вскинулась она.

А вот Дина любит его, любит по-настоящему, это видно, чувствуется. Впрочем, так и должно быть, не привязанная к мужчине женщина – атомная бомба у тебя в кармане.

– Вчера застрелили мужа моей матери, – сказал он причину.

Дина лишь вздрогнула, распахнув великолепные синие глаза, здорово сочетающиеся с темно-пепельным цветом волос. Видимо, о смерти незнакомого мужа незнакомой матери потенциального жениха ей приятней услышать, нежели примерно такую фразу: ты мне надоела, давай расстанемся. В сущности, к Арамису, которого не считал отчимом, Ипполит не испытывал никаких чувств. Муж мамы как был для него чужим, таковым и остался.

– Мне кофе, – сказал он подошедшей официантке, затем помассировал двумя пальцами переносицу. – Всю ночь не спал, мы в больнице торчали, надеялись, врачи его вытащат. Не вытащили.

– Как твоя мама?

– А как может ощущать себя человек, которого огрели дубиной по голове, потом окунули в кипяток? Но меня больше младший брат беспокоит, он переживает бурно. Так что я недельку-другую побуду с ними, а тебя сейчас отвезу.

Ехать не на окраину города, а в соседний городок, который справедливо называют деревней, времени займет поездка прилично, Дина отказалась от его предложения:

– Нет-нет, не утруждайся, я доеду сама...

– В таком случае посажу тебя в такси и оплачу. Дина, не спорь, – упредил он протесты. – Ты что-нибудь заказывала?

– Без тебя пила только кофе, здесь неплохо его варят, но дорого. Ипполит, я могу остаться с тобой, помочь...

Ей очень не хотелось с ним расставаться ни на час, ни на день, ни тем более на неделю. Ипполит накрыл ладонью ее тонкую кисть, улыбнулся:

– Это было бы здорово, но желательно все же маму подготовить, заочно вас сроднить, чтобы между вами не произошло столкновения при первой же встрече. За тебя я спокоен, а вот за мадам Баграмян... А прибавить к ее своеобразному характеру убийство мужа... нет, Дина, мне ты нужна живой.

– У, как страшно, – улыбнулась девушка, подперев кулачком подбородок.

Сейчас она была на том этапе, когда ни мамы-монстры не страшны, ни братья-неврастеники вместе со спесивыми отчимами, ни прочая стая акул в лице родственников. Будущее с ними ей видится из жизни голубей и в пастельных тонах, Дина убеждена, что трудности исключены, а если они и появятся, она их пощелкает, как семечки. Но Ипполит не переставал ее удивлять.

– Мне казалось, ты не слишком привязан к матери.

– Не слишком, – утвердительно кивнул Ипполит и не без гордости заявил: – Просто у меня больше ответственности. Допила кофе?

– Да.

– Тогда поехали?

Оставив деньги на столе, он пропустил Дину вперед и, следуя за ней, рассматривал ее с пристрастием, придирчиво. Отметил, что у его избранницы гладкая загорелая кожа, шея красивая, талия тонкая, задница на месте... Не мешает лишний раз убедиться в правильности выбора.

Наташа не стала откладывать поручение Парафинова в долгий ящик, вызвала обоих клезушников, они... не пришли в отделение милиции! Куда собственноручно накатали заявления, обвиняя друг друга в страшных преступлениях, которые каждый из них якобы собирался

совершить. Неужели их не интересовало, на какой стадии рассмотрение заявлений, что грозит обидчику? Как ни занят Парафинов – он ведь взял под личный контроль убийство Баграмяна, – а пришлось Наталье обратиться к нему с просьбой. Игорь Игоревич созвонился с бывшими друзьями и нынешними заклятыми врагами, пригласил их на беседу.

В тесный кабинет Наташи вошли два заряда отрицательной энергии, отчего молодую женщину просто откинуло на спинку кресла. Когда Маймурин опустил на стул свой тучный зад, Наталья даже замерла, ожидая, что хрупкие деревяшки не выдержат слоновьего веса и рассыплются.

Киселев производил впечатление затюканного интеллигента, который ходит в дырявых носках, живет духовной пищей, умрет от одного грубого слова или грозного взгляда. Но так казалось до той поры, пока он не открыл рот и не полился поток слов в высокомерной тональности:

– Прошу излагать коротко и ясно, зачем меня, оторвав от дела, вызвали сюда? Вы, девушка, в курсе, сколько стоит у меня час простоя?

Но девушка давно адаптировалась к нелегким условиям работы в правоохранительных органах, сухо, вместе с тем спокойно она сказала:

– Я вам не девушка, а сотрудник милиции Наталья Васильевна Войлокова. Давайте посчитаем, во что обойдется гражданам свобода одного уголовника, тогда вы убедитесь, что наши часы работы стоят намного дороже, так как мы ловим преступников. Мне поручено заняться вашими заявлениями.

– Что значит заняться? – фыркнул Маймурин. – И что значит нашими заявлениями?

– Разве не вы написали заявления друг на друга? – бесстрастно звучал ее голос. – В них вы ставите нас в известность, будто каждый из вас грозился расправой...

– Ты написал на меня?!! – От одной мысли Киселева скрючило, почему-то он забыл, что тоже ударился в литературный жанр. Маймурин напомнил ему об этом:

– Как я понял, ты от меня не отстал.

– Негодай, – с обидой в голосе произнес Киселев. – Такие, как ты, в тридцать седьмом работали стукачами...

– Наталья Васильевна, – надулся Маймурин, – а можно взглянуть, когда этот... гражданин... настроил на меня маляву? Ручаюсь, опередил меня по срокам.

– Граждане, прекратите, вы же взрослые люди, – сделала им замечание Наталья. – Довожу до вашего сведения, что заводить дела на вас мы не будем.

– Как – не будете? – вскочил Киселев. – Хотите, чтобы он (указал пальцем на противника) почувствовал полную безнаказанность?

– Ты мне не тычь! – осатанел Маймурин. – У меня те же претензии! Кто во всеуслышание обещал изничтожить и уконтропупить меня? Не ты ли?

– Это ответ на твои угрозы! – рассекая указательным пальцем воздух после каждого слова, выкрикнул Киселев.

– Прошу вас сесть на свои места! – рявкнула Наталья, хотя в их среде не принято употреблять слово «сидеть» до того момента, пока суд не посадит. Так или иначе, но оба врага расселись, отвернувшись друг от друга. – Поскольку не было ни покушений, ни каких-либо других фактов, подтверждающих, что один из вас имеет преступный умысел, мы посчитали, что заводить дела, тем более уголовные, нецелесообразно.

– Угу, значит, надо, чтобы на одного из нас покусились, да? – процедил Киселев. – И тогда вы заведете дело? А упредить не желаете?

– Понимайте как хотите, – вынимая листочки из папки, сказала она.

– Буду жаловаться вашему начальству, – поднялся он.

– Я тоже, – встал Маймурин. – А уж если я пожалуюсь, вам, девушка, мало не покажется.

– Распишитесь здесь... – Она положила перед ними два листочка.

- Что это? – подозрительно заглянул в них Киселев.
- Повестки к следователю. Вас будут допрашивать по убийству Баграмяна пока как свидетелей.
- Что означает это ваше «пока»? – прорычал Маймурин.
- Означает, что вы оба состояли с гражданином Баграмяном в антагонистических отношениях, так записано в свидетельских показаниях, которые успели взять оперативники. А следователь выяснит, насколько далеко зашли ваши отношения.
- Этого только не хватало! – взмахнул руками Киселев. – Не понял, нас что, подозревают? Меня?!
- Да Баграмян должен мне хренову кучу денег! – взревел Маймурин.
- И мне! – взвыл Киселев. – Заметьте, взял деньги год назад, год! И не отдавал! А должен был вернуть долг через три месяца. Я их не рисую по ночам. Мне что прикажете, спасибо ему говорить? Или я должен был подарить их?
- Не могу знать, убийство Баграмяна не в моей компетенции, – сказала Наталья с добрейшей улыбкой. – Вы свободны.
- Едва за ними захлопнулась дверь, она набрала номер и не без торжества сообщила:
 - Игорь Игоревич, были только что у меня. Детский сад, честное слово! Думаю, теперь они больше озабочены тем, что попали в подозреваемые. Да, кстати! Вскользь оба обмолвились, что Баграмян им задолжал крупные суммы. Может, в этом причина его убийства?
 - Брось, Наташка, – ответил Парафинов. – Кто же станет убивать должника? Вместе с его смертью пришлось бы распрощаться и с деньгами.
 - А я так не думаю. Деньги – да, это серьезно, но за ними тянется длинный шлейф из других причин.
 - Ладно, некогда. В качестве благодарности... хочешь анекдот?
 - Давайте.
 - Тогда приходи. Прямо сейчас.

5. Вот так главные свидетели!

Не заезжая во владения мужа своей матери, Ипполит припарковался у ограды, а то вдруг понадобится срочно куда-то ехать – пожалуйста, машина наготове. Правда, мама отечественный транспорт презирает, но ей простительно, она женщина избалованная, с другой стороны, у нее сейчас большие проблемы. Он вошел во двор и направился к дому, осматривая фасад.

Дом четы Баграмян был расположен не где-то на отшибе, а в самом городе, что неправильно (по мнению многих), за городом менее шумно и воздух чище – разве нет? Под строительство ушла значительная площадь, ее Арамис выкупал у нескольких владельцев вместе с одноэтажными халупами. Естественно, обитатели халуп заломили офигенные цены, но Арамис понтырился еще тот, сказал: здесь моя территория, значит, она станет его. В общем, сумма на приобретение только земли потрачена была астрономическая.

Сам особняк, довольно необычной архитектуры, площадью около тысячи квадратных метров, мало кого восхищал, так ведь в бытность массового обнищания бесовская роскошь вызывает злобу не только у нас, у них, за кордоном, тоже. На третий этаж никто не заходил, он оказался ненужным, про него попросту забыли. Вспомнили, когда стали искать источник странного запаха снаружи особняка и внутри, носы привели наверх. И вот источник вони найден: три собачки отчего-то выбрали последний этаж для своих делишек и в течение многих недель оставляли там лужицы и экскременты.

Разумеется, в этом доме есть сауна, бассейн... два бассейна, один в доме, второй под открытым небом. По последним данным зарубежных риелторов, на первом месте среди ненужной роскоши в частном доме – бассейн, такой дом чрезвычайно сложно продать. Дело в том, что оборудование и обслуживание аквакаприза стоят недешево, впрочем, дворец Баграмяна скорее станет памятником архитектуры новой эпохи, а памятники не продаются.

В провинции не отводят место под спортивные забавы, Баграмян первый (и пока единственный) ввел моду на спорт. Речь не о спортивном зале с тренажерами в особняке – этим уже никого не удивишь, речь идет о теннисном корте, сооруженном по всем правилам. Уимблдонский турнир здесь не проведешь – нет трибун, зрителей негде посадить, но чемпионаты можно проводить запросто (без большого числа болельщиков).

Тот же Маймуриной поклялся перещеголять Баграмяна и сделать в своем новом доме площадку для гольфа! Сначала дал страшную клятву, а потом кинулся выяснять, что же такое этот самый гольф. Ну, все мы примерно знаем, что собой представляет данное развлечение для особо богатых, дескать, это клюшки такие тоненькие, шарик маленький, гоняешь его по травке часами... а куда гоняешь, какова цель и в чем суть удовольствия – без понятия. Когда Маймуриной разъяснили принцип игры в гольф, он страшно разочаровался:

– И эту... (выразился нецензурно) обожают капиталисты?

А когда узнал, во что обойдется каприз, едва не рухнул с инфарктом, во всяком случае, давление подскочило до критической отметки. Ну, это, так сказать, мелкие радости местных олигархов, однако как пример показывают, что амбиции в городе стоят на первом месте и влетают в копеечку их обладателям.

– Вы Ипполит, – сказала незнакомка.

Незаметно ушел в себя, да так глубоко, что ничего не замечал вокруг. А находился в гостиной, где эффектная молодая женщина командовала домработницами и кухаркой, те старательно завешивали зеркала. С первого взгляда Ипполит определил, что она не заботится о том, чтобы производить впечатление на кого бы то ни было, включая его – мужчину в самом расцвете сил и выше среднего балла по оценочной шкале. Сказала утвердительно, видимо, зная, что, кроме Ипполита, другие сюда так просто не войдут, и отвернулась, поставив руки

на бедра. А бедра что надо, наверняка отточенные фитнесом, но сама незнакомка ни руки не подала, ни имени своего не назвала, словно Ипполит пустое место.

– Меня зовут Милена, – словно прочла его мысли она.

– Очень приятно, – рассеянно вымолвил Ипполит, подошел ближе, глянул на правую руку – обручального кольца нет, на левой тоже, значит, и не разведена. Просто так полюбостовал, без каких-либо намерений: – Зачем это?

Она кинула в него недоуменный взгляд, поняла, о чем он спросил:

– Так принято. Говорят, в зеркалах остается душа покойного.

– М-м-м... – протянул Ипполит, покачиваясь вперед-назад на ступнях. – Из ваших слов следует, что родственники хотят навсегда избавиться от образа покойного.

Третий раз она кинула в него горячий взгляд, обжигающий дерзостью, но и только. То есть ни малейшего позыва разбудить в нем эфиопскую страсть, а Ипполит читает женщин неплохо. М-да, глазки огненные, губы порочные, грудь выпирает, и рука сама тянется потрогать выпуклости... Но, устыдившись похотливых мыслей в столь скорбный час, он спросил:

– Мама где?

– Нет-нет, поправьте справа! – кинулась Милена к зеркальной нише.

– Я предлагаю завесить всю нишу, – сказала кухарка. – Правда, так будет лучше, здесь полотно крепить не на что.

– Неэстетично, будет похоже на кладовку, которую закрыли тканью, – раздумывала Милена, но тут же сдалась: – Хорошо, делайте, как считаете лучше. – Она вернулась к Ипполиту. – Простите, вы что-то спросили?

– Да. Где мама?

– Где же ей быть! С Вито. У него в комнате.

Ипполит взлетел на второй этаж, однако, очутившись наверху, не забыл мимоходом посмотреть вниз на Милену. А она и не думала тайком подглядывать за ним, в смысле приглядеться, оценить со второго взгляда.

– Неплохо, – оценила она работу прислуги. – Теперь идите сюда, я уже отрезала нужный размер.

Руководила процессом, будто эстетично развешивать тряпки – главнейшая и жизненно необходимая ее обязанность. Это задело. Ипполит что, недоразвитый, с отклонениями? Но, идя в комнату брата, тихо рассмеялся: вот она – противоположность. Он Милене до фонаря, она ему тоже, а хочется, чтобы эта яркая женщина увидела распушенные перья и выпала в осадок. Смешно, черт возьми.

Переступив порог комнаты брата, он, с детства умеющий подчинять эмоции воле, попал в невыносимую атмосферу. Вито лежал на животе, спрятав лицо в подушки, и рыдал не хуже девчонки. Мама сидела на кровати, гладила младшего сына по спине и волосам, увидев старшего, приложила палец к губам, будто Вито младенец и всего секунду назад заснул. Ипполит человек, и человеческие чувства ему не чужды, но слюняйство, нетерпимость, патологический максимализм брата не переносил, потому сорвался. Нет, он не кричал, не позволил себе издевательского тона, а всего лишь хотел образумить брата:

– Что я вижу. Взрослый парень, а рыдает, как... Черт знает что! Встань сейчас же, умойся и приведи себя в порядок. Ты мужчина, а не баба.

Слова старшего брата задело Вито, он приподнялся на руках и раскричался с бесноватостью агрессивных молодчиков:

– Ты своего отца никогда не видел, поэтому не знаешь, что это такое – его смерть.

– Мам, слышала? Доказывая свою любовь к папе, наш малыш умудрился оскорбить и меня, и тебя. Ведь это ты не познакомила меня с моим отцом. Ну а я в глазах Вито безотцовщина, типа подкидыша. Но знаешь, Витенька (нарочно произнес имя, которое «малыш» не

терпел), истеричность свойственна женщинам, только учти, это тяжелое заболевание, поэтому истеричек лечат врачи. Будь же ты, в конце концов, мужчиной, тебе уже семнадцать!

– По-твоему, я не мужчина?.. – гневаясь, вскочил с кровати плод армяно-русской ассимиляции.

– Умоляю, – заплакала Раиса, – вы хоть не ссорьтесь!

Она ушла из комнаты, утирая слезы, Ипполит почувствовал угрызения совести, но, прежде чем догнать мать, прочел младшему братцу лекцию:

– Тебе даже мать не жаль... – Вито набрал полную грудь воздуха, но Ипполит выставил руку, упреждая бурный монолог. – Нет-нет, один раз твоя гордыня и спесь переживут, выслушав старшего брата. Мать пожалей. Она любит тебя, как любил Арамис, а ты этим пользуешься, ничего не давая взамен. Сейчас ты потерял отца, но у тебя есть мать. Что, если и ее потеряешь? Люди, Витка, умирают не только от старости. Как выяснилось, умирают от пули, от колес, которые давят их на дороге... от многих факторов. И от одиночества умирают. От непонимания. От страха за своих детей. Называется все банальным словом «стресс», но за этим словом стоит огромная человеческая боль, которую они не смогли пережить. Ты сейчас обеспечиваешь нашей маме лишь боль, а любовь дать ей не хочешь?

– Не называй меня Виткой, – процедил младший брат. – Мое имя Вито, понял? Ви-то!

– Не хочу думать, что ты безнадежен, поэтому твой ответ считаю порождением гордыни, которая исчезнет, когда ты повзрослеешь. Я ухажу, а ты посиди один, подумай. И повзрослей, очень тебя прошу. Пора, брат, пора.

Раису он нашел на диване в холле второго этажа, очевидно, она поджидала старшего сына. Стоило ему присесть рядом, как мать уткнулась лбом в его плечо, больше-то не к кому ей прислониться, а она всегда имела крепкую опору в лице мужа, тут уж Арамису надо отдать должное.

– Мама, прости своего старшего чурбана. – Ипполит обнял ее за плечи. – Я намного старше, а повелся, как лопух придорожный.

У нее своя боль, свое горе:

– Господи, все рухнуло, все, все... И главное, не вернуть ничего, хоть ты голову расшиби о стену, хоть разбейся. Какая-то бессмысленная пустота наступила... или нет... не пустота, хуже... Все стало другим. Незнакомым. Другой Вито... этот дом... улицы... Мне тут очень плохо, потому что все чужое...

– Ну, что ты, мама, так только кажется. Поверь, пройдет время, ты привыкнешь, что Арамиса больше нет.

– Никогда... никогда этого не произойдет. Об одном мечтаю: чтобы нашли убийцу. И тогда я сама, слышишь, сама расправлюсь с ним, чего бы мне это ни стоило. Попроюсь в СИЗО, в суд и убью его. Даже если нечем будет, ногтями, пальцами вырву ему глаза, зубами в его плотку...

Ипполит прижал крепче к груди мать, не давая ей говорить:

– Не допускай подобных мыслей, ма, ненависть и месть – плохие подруги. У тебя есть я, мама. Ты можешь на меня положиться.

– Спасибо, Ипполит. Спасибо.

Вообще-то у него на языке вертелся не один вопрос к матери, например: а ты не думала, мама, что твой Арамис кому-то досадил так, что у того человека остался только этот способ разрешения конфликта? А если тот человек был не один? Восточная мудрость гласит: кто сам убил, того убьют, как ты на это высказывание смотришь? Необязательно убивать пулей, есть и более изощренные методы уничтожения. Мудрость рождается опытом, потому Ипполит не задал вопросов, зная, что тень мужа висит над ними, победит она, а не он, родной сын.

– Ма, ты такая маленькая... – вздохнул сын.

– Господа, – появилась Милена, от неловкости мялась, – надо же все... м-м-м... оформлять... готовиться к ритуалу... Кто это будет делать?

– Не знаю, я никогда ритуалами не занималась, – пробормотала Раиса. – Понятия не имею, с чего начинать.

– Когда-то всем приходится столкнуться, этого ни один человек не минует...

Раиса взялась пальцами за виски и запротестовала:

– Не хочу никаких ритуалов, не хочу готовиться... Оставь меня.

Милена добровольно взяла на себя обязанности организатора:

– Ипполит, вы, кажется, единственный, кто адекватен в этой ситуации. Не могли бы помочь мне? Я ведь тоже не умею.

– С удовольствием... То есть... я хотел сказать...

– Да ладно, – махнула ручкой с маникюром на пальцах Милена, – мы поняли, что для вас это не удовольствие, но поможете. Что же вы сидите?

– А что надо делать? – отстранив мать, с готовностью поднялся он.

– Ехать, – с нажимом сказала она.

– Деньги возьми, Ипполит, в кабинете Арамиса, – бросила мать и горько заплакала. Он хотел остаться, но она замахала руками: мол, уходите.

– Заходи, заходи, – пригласил Парафинов Наталью жестом, пригласил радостно, словно ждал ее со вчерашнего дня. – Садись. Вот, знакомься, это свидетельницы. Настоящие. Которые общались с киллерами... С какого по какое время? – спросил он у старушек.

Наталья покосилась на него с опаской, тон у Парафинова странный, хотя физия нормальная, то есть обычная. То ли ерничает Игорь Игоревич, то ли нервничает – не понять. А напротив него сидели две пожилые женщины, одна – худая, в ярком платье с рисунком из крупных цветов и листьев, в соломенной шляпе и с накрашенными губами, бровками, веками, даже ресницами. Вторая – полная, в синем платье в белый горошек и с белым круглым воротничком, степенная, строгая и без косметики. Седые волосы слегка взбиты, сзади заколоты модной заколкой.

– Мы с утра приходим на точку, – принялась объяснять цветастая старушка исключительно Наталье. – Обычно в половине девятого уже на месте...

– Простите, – перебила та, – а что за точка?

– У центра «Табакерка» семачками торгуем, – важно сказала вторая. – Напротив клуба для молодых.

– Так вот, когда мы пришли, – подхватила баба Нюша, интеллигентно помахивая костлявой кистью руки, – они уже там стояли. В черном джипе.

– Ух ты! – вырвалось у Натальи. – Повезло.

– Не спеши с выводами, – предупредил Парафинов, встал и, кинув авторучку на стол, направился к окну. – Кстати, эту свидетельницу зовут Анна Ульяновна, а эту – Зинаида Ильинична. Итак, они обе пришли торговать...

– Семачками, – подсказала баба Зина. – И орешками.

– Угу, семачками и орешками, – повторил он, вздохнул, да так тяжело, что Наталье стало его жаль до глубины души. – Пришли, а черный джип там стоял... И до которого времени?

– До того часа, когда из ружья выстрелили, – сказала баба Зина.

– То есть до пятнадцати часов двадцати пяти минут, – внес уточнение он. – Что вы делали, уважаемые, и парни в джипе?

– Ругались, – скромно сказала баба Нюша, опустив реснички.

– Вот, – указал он на нее, – ругались.

– А чего ж не ругаться, – справедливо негодуя, вступила баба Зина, – когда джип загородил нас от покупателей? С этой стороны нас видят, а с этой не видно. Но с той, с которой видно, люди спешат на транспорт...

– Ругались, – повторил Парафинов, потирая подбородок и поглядывая по очереди на старушек. – Когда ругались, смотрели на них, да?

– А как же, – кивнула головой баба Ньюша. – Один раз этот... все время спичку жевал и воду минеральную покупал... отвел меня к стульчику... У меня раскладной стульчик есть, я приношу его с собой, мы с Зиной на рынке однажды купили...

– Вы про жующего спичку лучше, – попросил Парафинов.

– Он усадил меня и сказал: «Сиди, бабка, и молчи». Бабкой назвал! Вовек бы таких внуков не видела! Ну, не хам, а?

– А второй ржал, как конь, в джипе, – дополнила баба Зина.

– И вы их не запомнили! – в порыве необъяснимого торжества вскинул руку вверх Парафинов.

– Нет, – сказали обе в унисон.

– И что было дальше?

– Приехал Арамис Левонович Баграмян с каким-то человеком, – затараторила баба Ньюша, явно пересказывая тот момент не первый и даже не десятый раз, надо сказать, не без удовольствия. – Он часто к нему наезжал на...

– «Мерседесе», – подсказала баба Зина.

– Да. Стали они напротив клуба, что скоро откроется для молодых, Арамис Левонович сильно махал руками, чего-то рассказывая про вывеску... Гордился, наверное. Ну, так есть чем! Такой человек, скажу я вам, такой человек... богатый! А я все время по сторонам смотрю, привычка у меня такая. Знаете, сидишь, занятия нету... Ну и вдруг вижу, высовывается из окна... этот, со спичкой. Сам высунулся вместе...

– С ружьем, – вставила баба Зина.

– Да. Я Зину толкаю, показываю... Тут как бабахнет из ружья!

– Стрелял без глушителя, – хмыкнул Парафинов. – Ну и?

– Я вздрогнула.

– Мы вздрогнули, – уточнила баба Зина. – Нет, все вздрогнули.

– Да. Ну, Арамис Левонович взялся за грудь, упал... А эти мотор завели и уехали. Их никто не задержал.

– Все, – закончила баба Зина.

Пауза длилась недолго.

– Девушки! – застонал Парафинов, приложив ладонь к груди, затем обеими руками упал на стол. – Так не бывает, чтобы весь день сидеть рядом с убийцами, всего лишь в пяти метрах от них (!), видеть двух мужчин, ругаться с ними три часа подряд и... не запомнить ни одной черты!!! Я уж не говорю про номер джипа.

– Они в очках были! – хором оправдались бабушки.

– А на номере джипа тоже очки были? – взревел он, отчего обе старушки съежились. Еле успокоился, да и то... – Помимо глаз, есть волосы, подбородки, шеи, скулы, носы, родинки, в конце концов! Девушки! Умоляю, вспомните хоть что-нибудь! Надо составить фоторобот.

– Ну... – заерзала баба Ньюша. – Неприметные они какие-то...

– Как же неприметные, когда вы сказали, что парень, жевавший спичку, красивый? – Не имея больше сил, Парафинов упал на стул.

– Красивый, – согласилась баба Зина. – О-ой, какой... Так они ж сейчас все красивые! Потому что молодые.

– Извините, что вмешиваюсь, – подала голос Наталья, – но фоторобот стоит попробовать составить. С очков и начать. К ним подбирать черты лица, вдруг да получится?

– Стоит, стоит, – закивал с безнадёжностью Парафинов. – Ну а ружье вы запомнили? Сможете его описать?

– Конечно, – приложила к груди обе ладони баба Ньюша. – Ружье... м-м-м... такое... не охотничье! Настоящее.

– Ну, какое, какое? – нетерпеливо перебирал он воздух пальцами.

– А чего его описывать? – недоуменно фыркнула баба Зина. – Ружье – оно и есть ружье.

– А может, охотничье? – тем временем пожимала плечами баба Ньюша. – Я не разбираюсь.

– Идите, – отмахнулся он.

– Куда? – одновременно подскочили бабушки.

– Картинки смотреть. – Бабушек увел лейтенант, а Парафинов взмахнул руками и опустил их на стол. – Нет, представляешь? Киллеры не таились, нагло сидели на виду, мало того, ругались с этими старыми идиотками, а чертовы бабки ни хрена не помнят! Ведь что-то же в памяти остается?

– Видимо, старушки таким образом разнообразили скуку, переругивались, не присматриваясь, с кем.

– Это не оправдание. И пуля...

– А что пуля?

– Пуля пробила Баграмяна насквозь. Я звонил знакомому хирургу, он был в операционной, говорит, не дыру пуля пробила в Арамисе, а тоннель! Легкое продырявила, с таким ранением не живут и полчаса. А врезалась в гранитную ступеньку позади него. То место, куда она попала, раздробила вчистую. Вон фотки, если интересно.

– Интересно. – Наталья взяла фото. – Ого! Прилично, прилично отхватила от ступеньки. Это что ж за пуля такая?

– Неизвестно.

– То есть оружие не наше?

– Начнем с того, что оружия, из которого она вылетела, не существует.

– Как это? Раз киллер стрелял...

– Во всяком случае, пока не существует, Желобова так сказала, она у нас главный криминалист, так что знает.

– Самодел?

– Нет. Баллистик обещал выяснить, чье производство. Смотри. Это гильза... – положил он на стол два пакета. – А это... это она, пуля. Самопал так аккуратно, красиво, чисто не сделаешь, все равно будут изъяны. Хотя сейчас в подпольных цехах выпускают и не такое. В общем, не знаю, что думать, в каталогах нет его.

– Значит, и пулю нашли?!

– Представь себе. Отрикошетила и упала на тротуар. По звуку ее нашел мужчина, случайный прохожий, она упала у его ног.

– Ничего себе пулька!

– Да, внушает уважение к творцу этой пули. Больше снайперской – даже несведущий человек скажет, чудовищной убойной силы. Но знаешь, эта пуля и есть единственная дорога к убийцам. Там, где изобрели оружие, наверняка знают, кто у них его брал. Но почему киллеры не боялись, не прятались, а открыто ждали Баграмяна с раннего утра? Были на виду столько времени! Что это за товарищи? Ребята сейчас, как бобики, свидетелей ищут, может, повезет.

6. А вторая пуля...

Без сомнения, Милена обладала практической жилкой и неплохими организаторскими способностями. То, к чему люди стремятся годами – к умению подчинять, убеждать одной фразой, к слаженности, довольно быстро приходило к желаемым результатам, но подавляющему большинству так и не удается достичь этих вершин, – ей давалось без труда. Она только появлялась в определенном месте, тихо говорила, что ей нужно, и тотчас получала желаемое.

– У вас, наверно, на лице нарисовано: исполнить, нельзя отказать, – заметил Ипполит, открывая перед ней дверцу авто.

– Это недостаток? – бесстрастно спросила она, садясь.

Кстати, ее интонации по большей части не отличались разнообразием, создавалось впечатление, что Милену суета сует не интересует ни в каком виде, в то же время заторможенной ее не назовешь. Иногда глянет на Ипполита – из глаз жжет распутный огонь, пробирающийся до самого дна (откуда ноги растут), но Милена не распутница. Видимо, к жизни она относится без натуги, любит то, что у нее есть, а также себя, отсюда и своеобразная манера общения, и двойное впечатление от нее.

– Скорее достоинство, – сказал Ипполит, заводя мотор. – Мало кому удастся заставить людей крутиться вокруг себя.

– Да? Я разве заставляю? Я прошу...

– Нет, – рассмеялся он, – вы не просите. Вы говорите, а воспринимаются ваши слова требованием, но почему-то вам хочется угодить.

– И вам?

– И мне.

– Тогда давай перейдем на «ты», я устала «выкать», тем более ты не выглядишь дедом.

– Тогда надо выпить на брудершафт, – оживился он, ибо за питием следует поцелуй.

Милена охладила пыл:

– Без брудершафта обойдемся и без формальностей. Так, – она просматривала документы. – Мытарства почти закончились, остался морг. Терпеть не могу это слово... Деньги остались?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.